

АНДРЕЙ ЗЕМЛЯНОЙ

день
драконов

Странник

Андрей Земляной

День драконов

«Лениздат»

2008

Земляной А. Б.

День драконов / А. Б. Земляной — «Лениздат»,
2008 — (Странник)

Для того, кто воюет почти всю свою жизнь, не существует понятия «грязная работа». Он прошел Ад и Рай. И единственная мера суда – это его честь. Не ради прихоти. Ради жизни. Своей и чужой. Теперь он Палач огромной звездной империи. Но политика еще более грязная игра, чем война. А предательства он не прощает...

Содержание

Пролог	5
1	10
2	12
3	21
4	23
5	26
6	29
7	34
8	35
9	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Андрей Земляной

День драконов

Пройти Ад и Рай. Убить саму смерть для того, чтобы вновь защищать людей. И единственная мера суда – это его честь. Не ради прихоти. Ради жизни. Своей и чужой.

Пролог

Я брел по бесконечному коридору боли. Брел без мыслей и, в общем, без эмоций. От нее нельзя было уйти – ни в себя, ни еще глубже. Она растворяла сознание, дробя его на кусочки, а потом раскалывая их на еще более мелкие. Я тонул и подыхал, теряя личность, как теряет воду бурдюк, пропоротый нерадивым слугой. На одной чаше весов был я, на другой боль, и она перевешивала меня. Я брел по битому стеклу, натыкался слепыми пальцами на раскаленные стены и зазубренную сталь, падал в озера жидкого газа и становился добычей стаи голодных волков.

Все люди, которых я когда-то заставил страдать, корчили мне гнусные рожи и заходились радостным хохотом, участвуя в коллективной пытке. Наверное, мне должно было их бояться. Но страшно не было. Было просто противно. Даже сейчас я бы прикончил любого из них просто потому, что в основном это были подонки. Вместо страха я ощущал только ненависть.

Сам того не замечая, я вскипал черной волной ярости, которая вставала во мне, как встает волна цунами, выходя на берег.

Я никогда не знал, что за источник питает мою силу. Но, видимо, он был и здесь. Потому что ухмыляющиеся рожи вдруг исчезли начисто, сметенные ударившей из меня плетью бешенства. А я, обретя возможность двигаться, стал метаться в пожиравшем меня пространстве, собирая распыленные частички своей личности и восстанавливая то, что еще было возможно, и даже то, чего не хотелось. Сейчас мне была дорога каждая, даже самая омерзительная, черта моего характера.

Я собрал воедино все, что удалось, и замер. А дальше? Боль никуда не делась… Просто установился некий баланс. Устойчивое равновесие, которое, как известно, может длиться вечно.

Боль, боль… Везде была только она. Ее величество Боль. Так продолжалось очень долго. Может быть, целую вечность. В конце концов я решил поговорить со своей болью.

– Эй, старая злючка!

– А, привет, привет! – вдруг радостно отозвалась боль.

– И долго ты меня будешь мучить?

– Мы теперь с тобой навсегда вместе. Я твоя последняя любовь, – мерзко хихикнула боль. – Ты помнишь, как корчился тот парень, которому ты вогнал раскаленный шомпол в спину? А? Помнишь? Как он умолял тебя не делать этого? Помнишь, вижу… Я хочу, чтобы ты сам оценил тот свой подарок.

– Тот, как ты говоришь, парень хладнокровно, словно в тире, расстрелял колонну беженцев. Я бы его просто прикончил. Но он знал и не хотел говорить, где залегла его банда, – объяснил я.

– У каждого свой список грехов. А ты помнишь чернокожую девочку, которой ты простилил плечо? Она потом умерла в госпитале американской военной миссии, – продолжала боль.

– Так она хотела меня убить. А штуки, что была у нее в руках, хватило бы на всех нас…

Никогда не думал, что придется оправдываться перед собственной болью...

– А кто тебе сказал, что твоя жизнь дороже? Ты был палачом и убийцей всю свою жизнь.

А теперь я буду твоим палачом... – мечтательно проговорила боль.

– А ты не боишься, что я сдохну? – разозлился я.

– Нет, не боюсь. У тебя ведь и жизни-то теперь нет. Ты сейчас просто иллюзия.

– Но и ты ведь тоже иллюзия! – не сдавался я.

– Для кого-нибудь другого может быть и так. Но для тебя я реальность. И должна сказать – единственная доступная реальность.

– А если я сойду с ума? Какая радость мучить умалишенного?

– Конечно, сойдешь! – хихикнула моя невидимая собеседница. – Но обещаю: очень, очень не скоро.

– Боль, а боль! – выкрикнул я. – Ты просто старая вонючая сучка...

Молчание было мне ответом.

Медленно скользя по течению боли, я внимательно рассматривал каждый ее извив. В ней было столько оттенков, каких я и не подозревал. Цвет, свет и звук, все, что я помнил, меркло перед ее богатством. Тысячи, миллиарды оттенков боли. И каждый был моим.

Прошло еще много времени, пока я не понял, что могу управлять болью. Я вытягивал ее в тонкий перечно-красный жгут, а после распылял в мутное басовое облако, и так без конца во всех бесконечных вариантах сочетаний. И в конце концов набрел на болевую эйфорию, тонким мостиком соединявшую боль и удовольствие. И сделал боль наслаждением. Я превратил ад в рай, одним движением вывернув мозги наизнанку, словно старый носок.

Струи удовольствия и неги захлестнули меня бешеным водоворотом сладострастия. Все наркотики мира были ничем перед этим сладчайшим из океанов. Гаремы прекраснейших гурий были бледной тенью этого источника. Я купался в нем и пил его легкую влагу с жадностью и нетерпением изголодавшегося путника.

Когда схлынули первые волны блаженства и я с трепетом повара-гурмана начал готовить себе новые, то с сожалением понял, что наслаждение имеет гораздо меньше красок, чем боль. Это меня если и опечалило, то не сильно. Ведь лучше переесть, чем умереть. Но в итоге мне наскутили и райские кущи.

Подобно скромному рыцарю, терпеливо и тщательно я перебирал все, что у меня осталось. Жара, холод, голод, жажда и прочие подобные штуки выглядели примитивными, серыми и недостойными Моего божественного внимания. А потом каким-то образом я перетек из ощущений в эмоции, и это немало позабавило меня. Теперь я увидел их.

Страх оказался маленьким заплаканным мальчишкой, забытым в заставленной старой скрипучей мебелью полутемной квартире. Ненависть – несчастным слепым калекой, избивающим клюкой свою малолетнюю дочку за малое количество водки, заработанное ею на панели. Ярость во всех ипостасях была воином. А вот Любовь неожиданно для меня засияла таким многообразием граней, что заставила взглянуться повнимательней. Там нашлось место и для матери, качающей своего первенца в колыбели. И для крепко взявшись за руки юноши и девушки под пахучим дождем белоснежных роз. И даже для старика, мастерящего из найденных на свалке деталей то, что непременно осчастливит все человечество...

Радость и Грусть тоже были там. Все человечество, такое разное и в чем-то такое похожее, всем своим существом жирно перечеркивало однажды сказанную кем-то глупость, что счастливы все одинаково. А еще там была Та Единственная, чей образ я пытливо разыскивал в лицах всех виденных мною женщин. Гордая и нежная, словно радуга. С волосами цвета золота, пахнущими раскаленной добела степью, и с глазами, похожими на зеленый потаенный омут. Позабыв обо всем на свете, моя душа рванулась в Ее сторону. Но я потерял ее в этом хороводе нежности и страсти.

Двигаясь бесконечными тропами Любви, я заметил, что вокруг меня сначала едва слышно, а потом все громче и громче зазвучали странные звуки. Недовольный, я оторвался от своих опытов, пытаясь понять, что именно мне мешает. А когда понял, что слышу голос, радости моей не было предела.

– Эй, кто там? – крикнул я.

– Не ори. Я и так слышу, – холодно ответил голос ниоткуда.

– Я не ору... – Я немного замялся. *Как разговаривать с собственным бредом?* – Ты кто?

– Нет, это ты скажи мне, кто ты.

Если честно, то Боль была куда вежливее. На редкость хамоватая фантазия... Я решил для начала не ссориться.

– Да я и не знаю, кто я теперь.

– А кем был? – Собеседник, казалось, заинтересовался.

– Был? Кем я был? – задумался я. – Ну, наверное, солдатом был почти всю свою жизнь.

– И много убил? – Голос звучал неподдельно понимающе.

– Много, – честно признался я.

– За деньги? – строго спросил незнакомец.

– Нет! – Я даже обиделся. – За деньги никогда не убивал. За хреновую идею приходилось. Чтобы выжить, тоже. Убивал, когда решал, что такой сволочи больше не место на земле...

– Ишь, архангел выискался! – язвительно заметил он. И неожиданно возвысился до громового крещендо. – А кто ты такой, чтобы решать, кому место на земле, а кому нет.

– Я-то кто такой? Да я ж тебе уже говорил. Я солдат.

– Не прокурор, значит, не судья, а просто палач. Так что ли? А? – продолжал свой допрос невидимка.

Мне это уже начало надоедать.

– Слушай, а ты сам кто такой, чтобы меня судить? Судья или, может, прокурор?

– И прокурор, и судья, – веско проговорил голос. – Но сейчас главное, что я для тебя еще и адвокат. Понял?

И тут я действительно обозлился.

– Ну тогда слушай, прокурор хренов. Расскажу тебе одну историю. Было мне тогда лет, наверное, тридцать. Служил в одной конторе, тебе ее название, пожалуй, ничего не скажет, но знающие люди боялись ее больше Гнева Господнего.

– Так уж и больше?

– Не сомневайся! – заверил я его. – Так вот. Случилось так, что пришлось мне со своими... скажем так, сослуживцами, посетить одну отдаленную провинцию нашего государства. Дела там творились нечистые, и верховный владыка погнал нас разобраться: «А в чем, собственно, дело?»

Ну с золотом, что уходило тайными караванными тропами, мы разобрались быстро. Уже собирались смыться на пару дней в горы – отдохнуть. И тут как на грех у одного из наших ребят пропала племянница. Он, видишь ли, тоже из тех краев был. Ну начали мы искать, понятное дело. И потихоньку вышли на козла, который собирал на машине девчонок по всему городу и куда-то там увозил. Козел этот, заметь, оказался не кем иным, как личным шофером наместника этой самой провинции.

Секунд пятнадцать он кочевряжался и орал, что, мол, всех нас за яйца возьмет, но когда за него принялся тот самый парень, у которого племянница пропала, то быстро все выложил. Слыши, догадайся с трех раз, кому он возил этих девчонок? А? Чего молчишь, таинственный незнакомец?

– Ясно кому, – угрюмо и нехотя отозвался мой собеседник. – Продолжай...

– Продолжаю, – покладисто согласился я. – Итак, выяснили мы, куда он их привозил. А вот куда они потом девались, узнали не сразу и с большим трудом. Знаешь куда?

– Ну? – мрачно спросил он.

– А там карьер был песчаный. Заброшенный, разумеется. Туда и отвозили их. И пропавшую мы там нашли.

– И много?

– А это как считать. Много, мало… По Твоим меркам, Создатель, может, и вовсе кроха малая будет.

– Догадался, значит, – спокойно, словно констатируя факт, произнес он.

– А чего уж, не дурак вроде. Или дурак, да не настолько.

– Так сколько их было? – переспросил он.

– Так Ты ж у нас всеведущий? Вот и узнай! – не удержался я.

– Говори!!! Ну!!! – Голос неожиданно сорвался в старческий фальцет. И столько боли было в нем, что я вдруг даже пожалел его.

– Триста семьдесят пять душ там было похоронено до того, как мы пришли. Триста семьдесят пять скрученных колючей проволокой молодых женских тел. И каждую, заметь, каждую перед смертью, то есть между изнасилованием и убийством, пытали. Пытали зверски. Инквизиторов Торквемады стоячило бы от этого зрелища, словно институток. Так вот. Пользуясь случаем, желаю спросить. А Ты-то сам где был, когда их мучили? Где Тебя носило? Являлся небось в образе благообразного старца новому пророку?

– А после?

– Что «после»? После трупов там оказалось ровно на десять больше. Видишь ли, Ткач… Неразумные чада Твои, все, кто был замешан в этой истории, во главе с наместником той далекой провинции почему-то решили устроить пикник в этом заброшенном карьере и были разорваны заживо голодными собаками. Там мясом пахло… Такая вот геройская смерть. А? Что скажешь, господин-товарищ-барин прокурор-адвокат-судья?

– Не мешай, – медленно проговорил голос.

– Задумался? Ну думай, думай.

Мы помолчали.

– Слыши, Творец? – Мне надоело молчать.

– Ну?

– А ты можешь разговаривать и думать одновременно? Вопросик есть…

– Спрашивай! – милостиво разрешил он.

– А вот если бы я, к примеру, был мусульманином, Ты был бы Аллахом?

– А я, по-твоему, кто?

– Что, неужто Аллах?

– Дурак ты! – обиделся Господь. – Бог, он что для язычника, что для зороастрийца един.

Только имена разные.

– Нет, подожди, – не сдавался я. – А выглядишь-то Ты как? Ну, к примеру, мусульмане Тебя никак не изображают. Коран запрещает. А вот христиане, например, или индуисты очень конкретны в этом смысле.

– Да никак я не выгляжу! – рассердился он. – Понаделали ликов… Одно утешение, иногда так изобразят, сам не налюбуюсь.

– А вот насчет триединости как? – продолжал доставать Его я. – Ну в смысле Отца, Сына там и Святого духа?

– Ну ты зануда! – восхитился Господь. – Как бы тебе объяснить… Вот ты своей печени кто? Отец, сын, а может, кормящая алкоголем мать?

– Ага, – удовлетворенно произнес я. – Так значит, я типа тоже Твоя печень?

– Ты заноза в моей жопе! – вскричал он. – Даже умереть толком не смог. Из ада тебя выгнали, рай превратил в какой-то дурдом… И что прикажешь с тобой делать?

– Отпустил бы ты меня, а? – неожиданно даже для себя попросил я.

– Отпустить, говоришь? – Бог помолчал, вздохнул. – Ладно, солдат. И пусть совесть твоя будет тебе судией. Она, похоже, неплохая тетка… Иди, воюй.

– Йес, сэр! – ответил я и провалился в длинную, как мусоропровод Эмпайр Стейтс Билдинг, трубу.

– И чтобы больше я тебя здесь не видел!!! – донесся до меня громовой бас Создателя.

1

Однокая скала, источенный временем свидетель давнего путешествия льдов, пронзала лазоревый купол неба. Уже очень много лет она была пуста. Ее изъеденное расселинами и трещинами тело не населяли любопытные пестроглазые катойха и величавые фрегаты бескрайнего леса, длиннокрылые лессайсо. Трудно было найти среди этого зеленого моря, кишевшего всякой живностью, относительно спокойный кусок пространства, куда не заползали бы ни каменные змеи, ни ящерицы акканхо, так любящие нежное птичье мясо. Насекомые, что расплодились теперь в бесчисленных трещинах скалы, не привлекали птиц. Ведь даже болтливый негеш, чья безудержная жадность и прожорливость стала притчей, облетал ее черный палец далеко стороной.

Птицы, звери, все, кто имел хоть каплю мозгов для выработки инстинкта самосохранения, обходили и облетали страшную скалу сотой дорогой. И все потому, что теперь тут жил этир. Просто старый, дряхлый этир, шальным ураганом занесенный в эти места лет сто назад. Полуразумный птицеящер сидел на самой вершине, устало прикрыв огромные глаза от яркого солнца и спрятав голову в тень собственного тела.

Доведись кому увидеть этира со стороны, он подумал бы, наверное, что это густо поросший мхом кусок скалы. Потом пригляделся и принял бы его за изваяние страшного крылатого бога, сработанное давно вымершим племенем. А больше и не успел бы ничего подумать. Две с половиной тонны могучих мышц и брони разили со скоростью черной молнии.

А этир хотел есть. Задранный накануне лесной кабан уже давно был переварен вместе с густой и жесткой, словно проволочная щетка, шерстью и огромными, толщиной в руку взрослого охотника, бивнями. Птицеящер сидел на прохладном ветерке и лениво дремал, собираясь вечером сделать налет на разведанный недавно выводок одичавших крингов. Предчувствие вкуса сладкого мяса заставляло его довольно жмуриться и расслабленно, словно потягиваясь, топорщить когтистые плечи.

Странный, знакомый запах внезапно вывел его из состояния полусна. Вкусное свежее мясо лежало совсем рядом и издавало упоительный, чуть горьковатый, горячий аромат. Так пахли туши, которые когда-то он и его сородичи сбрасывали в кипящую от вулканического тепла реку, а потом вылавливали. Это было настоящее лакомство, которое он не хотел и не мог упустить.

Этир поднял клыкастую, поросшую темно-коричневыми костяными наростами голову и широко распахнул ноздри, дожидаясь нового порыва ветра. Запах свежей крови с новой силой ударил в его нос, заставив мелко трепетать черные кожистые крылья. Затем они медленно со свистящим шелестом раскрылись, потом еще раз и еще, пока не заполоскались на ветру, словно паруса морских разбойников элхедов. Легкая рябь пробежала по тонкому бархату крыла, и это словно истаяло в воздухе, сделавшись абсолютно прозрачным. Исчез и этир. Остался только звук поющего в крыльях ветра да холодный терпкий запах. Затем могучий, словно порыв северного шквала, всплеск смыл начисто и это.

Невидимый и молчаливый, словно призрак, он кружил над джунглями, внимательно осматривая каждый сантиметр леса. Короткое движение привлекло его внимание. Не выпускавшая больше этот участок из поля зрения, по широкой дуге этир стал осторожно спускаться ниже. Резкой удущливой волной и гнилостным духом ударили испарения влажного леса. Но на этом фоне все ярче и ярче, словно трава сквозь бетон, просачивался, продавливается жирным и густым ломтем запах паленого мяса. Запах этот сводил старого дракона с ума, заставляя терять остатки разума и всякую осторожность.

Человек, бессильно расплаственный на медово-желтом ковре тонких, словно волос, нитей, был практически мертв. И даже целебный мох, усиленно врачающий его своими усиками, был здесь бессилен. Несколько рваных ран не в счет. Площадь ожогов была слишком велика.

Этир потоптался на месте, соображая, как бы выдернуть человека из больно жалящегося мха, так не любившего выпускать пациентов, и уже собрался аккуратно подцепить его длинным когтем, когда человек поднял веки. Воспаленные красные зрачки его смотрели прямо в изумрудно-зеленые глаза этира. Впервые за всю свою жизнь ящер почувствовал себя неуверенно. Видеть его человек не мог. Однако видел. Он понял это, когда заметил, как отслеживают его движения покрасневшие и слезящиеся глаза человека.

Но запах был слишком сладок. И огромная голова этира быстрее молнии рванулась за добычей. Уже раскрылась с чавкающим звуком страшная пасть, обнажая ровный ряд белоснежных клыков, готовых нанизать на себя сочное мясо, когда человек сделал невероятное в его положении усилие и рывком сдвинулся в сторону, убирая голову с обломка торчащего из земли гранитного валуна.

Ящер так и не понял, что его убило. Он просто умер. Его голова со страшной силой врезалась в камень и треснула перезрелым плодом. А человек, потративший на это движение всю свою силу, снова повалился в побуревший от собственной крови мох.

Черная драконья кровь сначала по капле, а потом все быстрее и быстрее, булькая и шипя, вытекала из поверженного зверя на тело своего победителя, покрывая его толстым блестящим слоем и вливаясь в ждущее влаги горло. Человек сначала закашлялся, выплевывая жирные черные сгустки, а затем, словно смирившись, отвернул голову так, чтобы не заливало нос, и стал глотать дымящуюся жижу.

2

Залитая жарким весенним солнцем лесная поляна, окруженная с трех сторон вековыми, в два обхвата, стволами и мягко журчащим прозрачным ручейком была пасторальным островком спокойствия в бурном зеленом океане леса. На мягкой траве лежал, отдыхая, человек. Тугие, похожие на сытых змей мышцы перевивали коричневое, словно покрытое загаром тело. Расслабленно, будто огромная кошка, он растянулся на солнышке. Человек не боялся крупных хищников, давно усвоивших, кто был хозяином этой части леса. Человек этот вообще ничего не боялся. Живя по своим представлениям как минимум четвертую жизнь, он видел смерть много раз, избегал ее в самых безнадежных ситуациях и в этом совершенно чужом для себя мире остался тем, кем был всю свою жизнь. Самым страшным хищником.

Запах человеческой крови разбудил, словно крик. Несмотря на то что человек продолжал лежать, тело мгновенно пришло в состояние взведенного арбалета. Еще несколько секунд он лежал, напряженно размышляя.

Кровь. Запах холодный. Далеко. Густой. Крови много. Запах свежий. Значит, сейчас или недавно.

Единым аккордом вспыхнули мышцы. Он уже стоял, напряженно внимая звукам леса и пытаясь отслушать звук, соответствующий разбудившему его запаху.

Сначала медленно, а затем все быстрее он двинулся в сторону ветра, доносившего едва различимые крики и звон стали. Совершенно нагой и босой, он беззвучно скользил по лесу темным призраком, не оставляя после себя ни примятой травы, ни колышущихся ветвей. Он пересек крохотную речушку, в которой ловил рыбу, потом глубокий распадок и через некоторое время углубился в незнакомую часть леса.

Звуки боя стали уже настолько отчетливыми, что можно было различить и гулкий удар меча в щит, и звон стали о металл. А терпкий дух крови и пота вообще почти перекрыл остальные запахи леса.

Последние сто метров, и человек замер внутри раскидистого колючего куста на открытом берегу большой реки, бесстрастно рассматривая открывшуюся картину. Частью песчаный, а частью покрытый густой травой берег был завален трупами людей и тушами верховых животных. Происходящее было понятно с первого взгляда. Небольшой караван на переправе ждала засада. Остатки отряда в количестве пяти девушек стояли по колено в воде спиной к перевернутой повозке, отражая атаку примерно десятка солдат. Еще человек двадцать мечников и арбалетчиков стояли и сидели на берегу, криками подбадривая нападающих. Повозка перевернулась, не успев выехать на берег, и образовала сзади обороняющихся неплохой щит. Но если бы кто-нибудь из воинов сумел подплыть к повозке сзади и взобраться на нее, жизнь отряда была бы сочтена на маленьких песочных часах.

Похоже, оборонявшихся хотели захватить живьем и просто брали на измор. Командир атакующих, высокий, богато одетый молодой мужчина с удлиненным скуластым лицом, стоял рядом, придерживая закованной в сталь рукой за уздцы верхового кринга и положив другую руку на узорную рукоять эласского меча. Мрачно улыбаясь, он наблюдал за агонией маленького отряда.

Был еще один наблюдатель. Стариk или, скорее, мужчина преклонных годов в черном кожаном плаще до пят. Он внимательно и несколько брезгливо наблюдал за окончанием боя, откинув капюшон назад, и беспрестанно теребил костлявой рукой реденькую седую бороду. Его тонкие бескровные губы все время двигались, словно он что-то пережевывал. Но его племшивую голову занимали явно не мысли о возвышенном искусстве магии. Вид сражающихся амазонок, их упругие сильные тела так возбудили колдуна, что его тусклый сморчок впервые за много лет подал неясные признаки жизни.

Занятый осмотром поля боя пришелец не сразу обратил внимание на надсадный ритмичный рык слева. Привязанный к стволу могучего дерева огромный горный лев бился на плетеном ремне, почувствав незнакомца и исходившую от него опасность. Командир отряда только повернулся с недовольной гримасой к зверю, когда прочный трос с резким оглушающим хлопком лопнул, и вскормленный человеческим мясом зверь по длинной высокой дуге прыгнул прямо в центр колючего куста рапхи.

Человек в кустах внезапно исчез, а лев почувствовал странное жжение в животе. Он мягко приземлился на все четыре лапы и недоуменно посмотрел вниз под себя, где на земле лежало странно пахнущее кровавое тряпье. Лев постоял еще секунду и повалился набок, путаясь бьющимися в предсмертной агонии лапами в собственных кишках.

Граф Ригден Великолепный скучал. Он выполнил обещание, данное своему королю, и затравил эту наглую сучку принцессу Анайю, словно крысу. Правда, охота стоила жизни почти половине его отряда... уж больно хороши у нее были телохранители. Вернее, телохранительницы. Он зло сплюнул. Ну ничего. Этого барахла вокруг навалом, можно хоть армию нанять, только плати. А вот оставшиеся в живых девушки будут для него достойной наградой. Поговаривали, что они исключительно хороши в постели. Скоро узнаем...

Предчувствие скорого развлечения наполнило Ригдена сладкими мечтами, и он уже почти не сожалел, что принцессу придется отдать королю.

Внезапно звук рвущегося с поводка Линхарда, графского любимца, прервал его мысли. Он только собирался прикрикнуть на зверя, как прочнейший ремень громко треснул, и Линхард метнулся в куст у самого края поляны.

Жалобный визг льва и треск смятых ветвей слились в один звук. На поляну не выскочил, а каким-то странным скользящим шагом вытек совершенно голый бородатый мужчина. Необычного изумрудного цвета глаза ярко выделялись на смуглом скуластом лице. По виду – явно беглый раб. Мужчина был высок ростом и, судя по всему, очень силен. Такие рабы стоят на рынке Велизонга бешеных денег. Граф медленно потянул из ножен на поясе меч, намереваясь оглушить беглеца, чтобы потом снова заковать его в цепи.

Но несмотря на меч, мужчина явно не собирался убегать. Он спокойно и, видимо, привычно принял несколько необычную, но вполне рациональную боевую стойку. Граф улыбнулся. Наверное, этот раб из беглых бойцов Давона в Палсе. Те тоже ни черта не боятся. Что ж, тем дороже он стоит.

И не таких ломали.

Словно жало змеи, меч метнулся к ноге раба, имитируя атаку, не дошел до цели и по короткой дуге скользнул к голове. Все шло прекрасно. Вот только человека там уже не было. Вполшага он скользнул к графу, перехватил руку за локоть и запястье, резким кольцеобразным движением вывернул ее из плеча, ловко подхватил выпадающий клинок и одним длинным движением вздел его по дуге вверх.

Закричать граф не успел. Повинуясь последней команде угасающего мозга, рот летящей вниз головы раскрылся, но, кроме струйки крови, оттуда ничего не вырвалось.

Мужчина качнул меч из стороны в сторону, привыкая к балансу, и уже собирался снова скрыться в чаще леса, когда короткий визг арбалетной стрелы словно привел в действие дремавшую программу.

Клинок растаял в воздухе туманным веером. Не отбитый, а разрезанный пополам стальной арбалетный болт жалобно звякнул, когда его остатки обессиленно кувырнулись в сторону. Перескакивая взглядом с одного арбалетчика на другого, он мгновенно отследил все траектории возможного полета стрел, и они отложились в его восприятии тонкими красными линиями.

Странным, словно танцующим шагом, похожим скорее на брачные игры гигантского паука, мужчина скользнул в сторону стрелков. Часть из пущенных стрел он просто обошел, как обходят пеньки на дороге, а остальные отразил графским мечом. Лишь одна из стрел вскользь

зацепила плечо, не причинив, впрочем, никакого вреда, скользнув по плотной, словно стальной доспех, коже. Еще несколько шагов, и он оказался рядом с арбалетчиками. Несколько человек лихорадочно пытались перезарядить арбалеты, и только двое самых опытных уже держали в руках тяжелые стальные дротики.

Первый из стоявших в ряду стрелков еще не осел в примятую траву, когда замыкавший строй ветеран, промахнувшись в этот день второй и последний раз в жизни, ткнул дротиком в неожиданно ставшее пустым место. Он успел только чуть скосить глаза, когда его позвоночник жалобно щелкнул, становясь в средней своей части жидким киселем с мельчайшими осколками костей.

Сержант недаром носил свои нашивки. Смерти своего хозяина он не видел, так как был весь захвачен зреющим битвы в воде. Но увидев мгновенную и жестокую расправу над арбалетчиками, он короткой командой поднял своих бойцов, что отыхали в тени большого дерева, и сам прыгнул вперед, выхватывая меч. Графский клинок из лучшей на Аппасте стали с коротким рассерженным визгом рассек его от плеча до пояса вместе с кольчугой, кирасой и даже щитом, висевшим на спине... Гудящий веер сверкающей стали шел сквозь неровный строй нападающих, словно холодный осенний ветер, и, соприкасаясь с ними, хлестко выбивал прозрачные облачка кровавого дыма.

А старик в черной хламиде уже не был таким бесстрастным. Запустив обе руки в тяжелый кожаный мешок, притороченный к поясу, он суетливо копошился в нем, словно мыл руки или натирал их чем-то находящимся внутри. Когда он резким движением выдернул руки из мешка, вслед, словно искры из печки, полетели ярко сиявшие огненные брызги. Он вытянул сиявшие алым светом кисти в сторону незнакомца и стал что-то ритмично каркать надтреснутым старческим голоском, по-бабы повизгивая на особенно высоких нотах.

Человек не видел колдуна – он стоял к нему спиной. Но каким-то образом почувствовал опасность. Резко крутнулся на месте, описал мечом сверкающий полукруг и замер, рысцая глазами. Через долю секунды их взгляды скрестились, словно клинки. А еще через мгновение луч гудящего жаркого огня ударил в незнакомца с силой тяжелого кузнецкого молота. Когда факел опал, глазам колдуна предстал невредимый противник, уже перехвативший меч за середину клинка. Руки черного мага уже готовились извергнуть новую волну жидкого огня, когда сверкнувшая на ярком полуденном солнце полоса остро отточенной стали с легким хрустом пробила ему горло. Не в силах отвести взгляда от выбиравшего в горле меча, чародей схватился сияющими ярче расплавленного металла пальцами за клинок. Короткая яростная вспышка осветила поле боя, на мгновение обесцветив яркие краски дня кровавым маревом. И только там, где раньше стоял маг, было лишь выжженное до серовато-коричневого пепла пятно на изумрудно зеленой лужайке и насмешливо покачивался вонзившийся в землю меч, потемневший до иссиня-черного цвета.

Яркий сполох на мгновение отвлек солдат. Они ослабили натиск, и трое из них тут же свалились под точными ударами телохранительниц принцессы. А еще пятеро выскочили из воды и разом накинулись на безоружного незнакомца. Но он плавно, словно ртуть, протек под один клинок и, проскальзывая под локоть коротким и внешне безобидным движением, коснулся раскрытой ладонью густо заросшего подбородка своего противника. С легким хрустом пересохшей ветки голова смялась словно кожаный мешок, а из глазных впадин хлынула кровавая каша. Второй только заносил свой меч, когда рванувшаяся из маленькой дырки на его грязной шее кровь тугой пульсирующей струей хлестнула по траве, разом меняя ее цвет. Мечник только скосил глаза в сторону и завалился набок. Человек подхватил упавший меч и тремя короткими экономными движениями зарубил остальных.

На дрожащих от усталости ногах принцесса с поредевшей свитой выбралась из воды и обессиленно повалилась на перепаханный битвой песок, уставясь на смуглого жего незнакомца.

А тот тем временем стал не торопясь обходить трупы. Подходящий размер одежды оказался, как ни странно, у покойного графа, славного могучим телосложением. Путаясь в застежках и рассерженно бормоча невнятные ругательства, чужак неловко напяливал на себя явно непривычную одежду.

Наконец одна из девушек, высокая сероглазая блондинка в сияющих, словно белое зеркало, полированных доспехах, тяжело опираясь на меч и подволакивая ногу с рассеченным наколенником, подошла к нему. Быстро и умело, в несколько движений она привела его одежду в относительный порядок, заработав благодарную улыбку.

– Как имя твоего хозяина? – спросила она густым грудным голосом, обращаясь к своему нежданному спасителю и привычно-кокетливо поправляя непокорную прядь волос.

Другая, кареглазая и смуглокожая южанка Таисса с длинной черной косой узлом на затылке, не вставая с песка, перевернулась на живот, глухо скрипнув кожаными завязками доспеха, и недовольно зашипела:

– Ты что! Они очень чувствительны к обращению. Надо не так… – И, уже приподнявшись на руках, она в полный голос обратилась к мужчине: – Как твое имя, свободный человек?

А он переводил взгляд с одной на другую, совершенно очевидно не понимая ни слова.

Девушки переглянулись.

– Может, верnieц? А?

– Элара! – окликнула блондинка.

– Нету меня, – отозвалась тоненькая черноволосая девушка, обессиленно валявшаяся на песке. – Умерла я…

Тогда блондинка проковыляла назад к берегу, ухватила ее за кованый отворот богато украшенной двойной паллской кольчуги и рывком вздернула на колени.

– И умерла бы, если б не он!

Первое, что увидела Элара – это высокие лоснящиеся черной кожей верховые сапоги и кое-что повыше, обтянутое не по размеру узкими штанами из тонкой замши. Круглыми от вожделения и испуга глазами она рассматривала могучего незнакомца, черной скалой возвышавшегося над ней.

– Вот это экземпляр! Чур я первая! – пискнула Элара.

– Сдохнешь когда-нибудь от своей ненасытности! – рявкнула на нее блондинка. – Ты посмотри, что он натворил! Ты видела человека, разрубившего эрнадский доспех от пояса до плеча?

– Вот это мужик! – восхищенно произнесла совсем ожившая Элара. – Анойа! Откуда он такой взялся? И на раба что-то не похож… – задумчиво произнесла она, внимательно посмотрев на его шею.

– Вот и выясни! – язвительно произнесла принцесса Анойа, наконец отпуская Элару.

Минут двадцать Элара перебирала все знакомые ей языки, пытаясь наладить контакт, но все было тщетно. Даже молчаливая Тассана произнесла несколько фраз на забытых языках древности.

– Э, слыши! Может, он глухонемой! – подала голос молча наблюдавшая за всем этим Верна.

– Сейчас узнаем! – решительно сказала Анойа.

Она показала рукой на себя и отчетливо произнесла: «Анойа». Потом показала на сидящих девушек и по очереди называла их имена.

Мужчина кивнул головой и произнес, показывая рукой на себя: «А Дрей».

– Рей? – переспросила Верна.

Он пожал плечами и, неожиданно широко улыбнувшись, кивнул головой.

– Ну Рей так Рей. Девчонки, хоронить не будем. Нет времени. Таисса, принеси поминальные кубки! – скомандовала Анойа.

Привыкшая к дисциплине девушка молча повиновалась.

Скоро на небольшом круглом щите стояли высокие металлические чаши, до краев наполненные вином.

Жестом Аной предложила незнакомца присесть к импровизированному столу.

– Ты что делаешь? – зашипела на нее строгая в правилах приличия Верна. – А вдруг он беглый раб или преступник…

Вспыхнувшие в глазах Аной огоньки ничего хорошего не сулили.

– Что, милая, забыла, как сдавала хабар в Малагарском порту? Или как развлекалась на дороге в Тахед? – негромко произнесла онаibriующим от напряжения голосом, глядя в упор в лицо подруги.

Та опустила голову и молчаливо насупилась.

– Ты же знаешь, что произойдет, если он сядет за один с нами стол! – почти прошептала она.

– Знаю. И даже раньше!

Аной решительно встала. Подойдя к незнакомцу, она показала на меч, потом вытянула руки вперед. К ее удивлению, он мгновенно все понял и аккуратно положил оружие на ее ладони. Клинок был чернее ночи и горяч, словно только что из кузнецкого горна. Ни одной, даже самой маленькой капли крови не было на его полированной поверхности.

Кончиком меча принцесса сначала прочертила короткую кровавую черту по своей ладони, а затем жестами объяснила, что хочет сделать то же самое с ним. Нехотя он подставил свою руку. Аной провела мечом по его коже, и на лезвие упала маленькая капля лиловово-красной и густой, словно сироп, крови странного воина. Ранка мгновенно затянулась.

Аной постояла мгновение, движением головы отгоняя морок, и, глубоко вдохнув, громко и торжественно произнесла:

– Властью своей, Императора Эласа и Всеблагого Властителя Небес, объявляю тебя графом островов Ратонга и Гассари!

Рей коротко, но отчетливо склонил голову в небольшом поклоне. Вообще-то ему полагалось встать на колени и принести клятву верности, но торжественность момента как всегда испортила Верна, уже сидящая в седле.

– Слыши, подруга, трогаться было бы неплохо! А то не ровен час, набегут на торжество, а у нас как на грех и угостить толком нечем.

Аной недовольно зыркнула в ее сторону, но крыть было нечем. И вправду надо было двигаться, да побыстрее.

Место, где лежали стащенные в одну кучу трупы, уже было окружено тонкими курительными палочками. Легкий прозрачный дымок, струившийся в безветренное небо, понемногу загустел, пока не стал похож на черные, лаково сверкающие спицы от земли до неба. Внезапно воздух между ними задрожал, на мгновение смазался, и все исчезло. Не осталось никаких следов. Ни тел, ни курений, а только перемешанный с песком дерн и тонкий, едва уловимый запах серы.

Аной вновь подошла к Рею, показала на себя и подруг, махнула рукой на запад. Потом показала на Рея, снова на себя и снова на запад.

Он, видимо, сразу все понял, потому что улыбнулся, склонил голову, затем пытливо исподлобья посмотрел в глаза Аной. Взгляд зеленых глаз был таким пронизывающим, что ее пробрал холод. Он качнул головой и после секундного размышления повторил ее жест. На себя, на нее и в сторону заката.

Оставшихся в живых животных только-только хватило, чтобы сесть верхом самим. О том, чтобы тащить неподъемную повозку, и речи не было. Навьючив большой кованый железом ларец из повозки на единственного свободного кринга, маленький отряд быстро тронулся в путь.

Они ехали до тех пор, пока ночь не сделала продолжение путешествия невозможным. Маленький лесной овраг с крошечным ручьем, приютивший их на ночь, выходил к реке. Не обращая внимания на быстро сгущающуюся тьму, Рей быстро сбросил доспехи прямо на траву и уверенно, словно днем, пошел к берегу. Вскоре девушки услышали громкий плеск воды.

– Слушай, неужели и вправду из благородных? – поинтересовалась у Тассаны Верна, не прекращая стаскивать к старому костровищу обломки веток.

– Почему ты так решила? – отозвалась Анойа, которая в тусклом свете крохотного светильника перебирала вываленные на подстилку продукты, соображая, что из этого можно съесть, учитывая еще четыре дня пути и отсутствие в этой части леса охотничьей дичи.

– Ох! Тяжелая какая… – чертыхнулась Верна под грузом особенно крупной лесины. – Ну сама подумай, кто еще потащится умываться ночью, да еще с риском свернуть себе шею в этой темноте.

– А может, он рыбку ловит? – предположила Тассана.

– Ага, – скептически согласилась Верна, приводя коряги к состоянию дров большим мечом. – Ловит. Ночью. Мечом. Десять против одного, что он там плещется, как та самая рыба.

– Ставлю десять монет, что он рыбачит! – произнесла Анойа, сделавшая наконец выбор в пользу небольшого пакетика крупы, маленькой горсти сушеных фруктов и куска солонины.

– Ты что, и в самом деле думаешь, что он может что-то там поймать? – удивилась Тассана.

– Ну нет, конечно… – Анойа, нахмурившись, рассматривала котелок, пытаясь понять, мыли его или просто вылизали до блеска. – Но попытается. Как там костер, Верна?

– Еще минута! – ответила та, подгребая под бревна охапку сухих веточек и щепок. – Ну что, кто еще в игре?

– Пять монет на купание! – отозвалась Элара, распрягавшая крингов.

– А ты, Таисса?

– Я, пожалуй, за рыбалку. Уж больно ловок, черт. Такие мужчины часто самонадеянны до безумства. Этот может попытаться что-нибудь поймать.

– Ставки сделаны! – торжественно объявила Верна, разламывая огневую палочку и вталкивая ее в ворох сушняка.

Неожиданно в яркий свет костра вышел Рей, неся в одной руке тускло блестевшую золотым шитьем выстиранную куртку покойного графа, а в другой тонкий прут с насаженными на него крупными рыбинами и влажно блестя мокрыми волосами.

– Ничья… – разверла руками Анойа.

Тем временем Рей разложил рыбу на траве и, орудуя стилетом, словно скальпелем, четкими уверенными движениями вырезал внутренности. Затем, выдернув из ножен широкий боевой тесак, он быстро наковырял глины со дна ручья.

Заинтригованные девушки молча наблюдали за происходящим. Он густо вымазал рыбу глиной и разложил ее прямо у костра. Закончив с этим, он просто перевалил костер на свою добычу и уселся рядом.

Никогда еще простая речная рыба не казалась девчонкам такой вкусной. Запеченная в глине и восхитительно пахнущая, она была жадно прикончена в мгновение ока.

Уже съев все подчистую, они обратили внимание, что Рей сам ничего не ест.

У Элары еще оставался маленький кусочек, и она, пунцовав оттого, что они так поступили с ним, протянула его Рей на большом листе талены, служившем импровизированной тарелкой.

В ответ он вновь улыбнулся, легко поднялся и снова направился к реке.

– Не обиделся бы, а? – покачала головой Анойа.

– Да, не по-солдатски мы с ним, – согласилась Верна, съев облизнув полные губы.

Когда Рей вновь появился у костра, обе его руки были заняты прутами с рыбой, а заботливо накопанная кем-то глина уже ждала его возле костра. Но вместо того чтобы повторить

операцию, он небрежно смахнул глину в ручей, а сам стал сооружать вокруг костра целую конструкцию.

Через некоторое время порезанная на куски и наколотая на небольшие палочки рыба уже жарилась на импровизированных вертелах. А Рей заботливо переворачивал их, следя за тем, чтобы еда не пригорала.

Скоро маленький лагерь буквально затопила волна изысканного аромата. Элара уже хотела было схватить кусочек, но тут же не больно, но чувствительно получила по пальцам от Рея. Она только раскрыла рот, чтобы возмущенно выругаться, как он, словно маленькой девочке, погрозил ей пальцем. От удивления Элара захлопнула рот и, нахохлившись, села у костра.

Когда все наконец готовилось, Рей стал снимать с огня прутья и по одному раздал девушкам. Не в силах промедлить хотя бы минуту, они жадно вцепились зубами в сочную мякоть.

И снова Рей не брал себе ничего, только наблюдая за тем, как они едят.

Заметившая это Анойа жестами показала на рыбку и на Рея. Но он только покачал головой, улыбнулся, увидел, что Таисса уже осилила свой прутик, и протянул ей новый.

– Слушай, может, он рыбы не ест? – подала голос Верна, с трудом проталкивая слова через набитый рот.

– ТАК ее готовят и не ест? Вряд ли, – ответила Тассана. – Тут что-то другое.

Наконец, наевшиеся до отвала, они все отказались от новой порции, а Рей, убедившись в том, что никто больше не хочет, начал аккуратно, словно большой кот, есть сам.

– Фахкар! – выругалась вполголоса Таисса. – Так он ждал, пока мы наедимся! Он нас что, за детей держит? – кипятилась она.

– Не шуми! – лениво одернула ее лежавшая на мягкой траве Верна. – Сначала он в одиночку накрошил больше половины графского отряда. – Она загибала пальцы растопыренной вверх пятерни. – Затем почти в полной темноте и голыми руками он наловил ворох рыбы, потом мы съели все до кусочка и не оставили ему. Ну и кто мы для него после этого? Дети и есть... И скажи спасибо, что он не ведет себя как, например, мой папаня, тьма его праху! Тот вообще лупил нас смертным боем после ужина, а потом трахал. Но я-то родителя своего во сне удавила... А этот парень, боюсь, сам удавит кого хочешь да еще приготовит тремя способами. Так что будь паинькой, не мешай греть копыта и мечтать о запредельном!

Элара томно вздохнула и грациозно потянулась, откинув назад волосы:

– А я, кстати, и не против, чтобы он меня изнасиловал. Видали, какая у него штука? А если он еще и трахается, как дерется... – Она мечтательно вздохнула.

– Нет, ты точно сдохнешь в солдатской казарме! – пробурчала Анойа, ожесточенно запихивая в седельную сумку так и не пригодившуюся снедь.

– И все-таки интересно, – не унималась Элара. – Кого он выберет первой?

– Все! – прервала их Верна. – Хорош базарить. Завтра еще каким-то чудом мимо заставы проскочить надо. Так что давайте спать.

– Да... Застава та еще, – произнесла Анойа, с кряхтением укладываясь на тонкую подстилку. – Говорят, капитан заставы – оборотень.

– Да врут, наверно, – зевнула Элара. – Оборотни – большая редкость.

– Может, врут, а может, и нет, – согласилась Анойа. – Только если он и впрямь оборотень, нам будет очень кисло. Слышали, что сделал оборотень с отрядом Эл Кини?

– Ну так Эл даже до перевала не дошел. А мы уже на возврате... – сонно возразила Верна.

– Да, – задумчиво почесала в рыжей копне волос Тассана. – Пока нам везет. А завтра... кто знает.

Постепенно устроившись кое-как на верховых попонах, девушки заснули. Только Анойа удивленно наблюдала, как Рей, воткнув меч и кинжал перед собой, сел на согнутые в коленях

ноги. Затем он закрыл глаза. Его лицо расслабилось и приняло отрешенное выражение. Она еще какое-то время наблюдала за ним сквозь прикрытые веки, затем сон сморил и ее.

Анойу разбудил горьковатый запах костра. Открыв глаза, она с удивлением увидела несколько птичьих тушек, жарящихся над костром. Все еще спали, а вот Рея видно не было. Она сбежала к реке, воровато оглядываясь, разделась и быстро бросилась в студеную воду. Быстро вымывшись, она вернулась к лагерю.

Рей уже сидел у костра и ощипывал очередного негеша. Птичка эта, жадная и вороватая, была еще и очень пугливой и быстрой, и Анойа не слышала о том, чтобы кто-нибудь ловил негешей на еду.

Окончив ощипывать, Рей насадил мясо на палку и водрузил над костром. Затем он попытался отщипнуть кусочек той, что висела над костром уже давно, и довольно потер руками: «Готово».

Наскоро позавтракав, отряд засобирался в дорогу. Зная о предстоящем прорыве через сторожевую заставу, особенно тщательно одели и подогнали доспехи. Рею железо подгоняла Верна, как самая опытная в этих делах.

По молчаливому уговору Рей ехал первым, а Верна замыкала группу. Всю дорогу Рей тыкал пальцем в разные предметы, заставляя девушек говорить их названия, и повторял несколько раз, добиваясь нормального произношения. Его словарный набор был уже около двухсот слов и рос, словно снежный ком.

До заставы оставалось еще приблизительно с километр, как лес кончился. Спешившись в высоком кустарнике, в свете заходящего светила они молча наблюдали за преграждавшей им путь маленькой крепостью. За форпостом, стоявшим на берегу широкой реки, был мост. Другая сторона моста упиралась в эласскую сторону реки и тоже была заперта фортом с подъемным мостом. Когда-то здесь шел караванный путь, и крепости играли роль таможен. Но война покрыла этот мост густым слоем пыли и птичьего помета. Можно было, конечно, пользуясь темнотой, попытаться переплыть реку. Только верховых и тяжеленный ларец пришлось бы тогда бросить. А это означало провал их миссии. На это девушки пойти не могли.

Опустилась ночь. Спрятавшись в пещере на дне глубокого оврага, над импровизированной картой, нарисованной кончиком кинжала прямо на земле, они вполголоса обсуждали возможности прорыва, когда Таисса заметила, что отошедший в сторону Рей снимает доспехи и аккуратно укладывает их в седельные сумки своего кринга. Затем он разделся по пояс и стал методично натирать тело землей, не забыв даже лицо.

Таисса подошла к нему, показывая на себя и на него, махнула в сторону крепости, а затем провела у себя по горлу ребром ладони.

– Ты, я, там, убьем.

Он покачал головой и, мягко улыбнувшись, погладил ее кончиками пальцев по волосам.

– Нет.

Таисса, не сдаваясь, сняла с седла своего кринга небольшой тючок и распахнула его. В свете крохотной свечки тускло блестели когти, крючья, метательные дротики и прочее хозяйство ночного убийцы.

Несколько секунд Рей удивленно рассматривал содержимое мешка, затем внимательно и осторожно ощупал тонкое жилистое тело Таиссы, а потом коротко махнул рукой: «Ладно».

Затем он по очереди вытряхнул все седельные сумки и, не обращая внимания на протестующих девушек, стал внимательно изучать их содержимое. Красивый подарочный набор из трех кинжалов он оставил без внимания, а вот прочным и длинным заколкам для волос, похоже, обрадовался как старым знакомым. Также в ход пошла тонкая веревка для подвязки волос и еще много разных мелочей, которые он откладывал в сторону. Даже гадальным шарикам из тяжелого черного камня нашлось место.

– Может, ему еще старые трусы показать? – прошипела разъяренная Тассана, особенно сильно переживавшая потерю заколок.

– Если ему это понадобится, я лично прослежу, чтобы никакой задержки не случилось, – мрачно проговорила Верна, не отрывая взгляда от приготовлений Рея.

За несколько часов до рассвета Рей, на котором из одежды были только тонкие кожаные штаны, и Таисса, экипированная в мягкий, плотно облегающий комбинезон темно-серого цвета, беззвучно, словно тени, покинули свое убежище и двинулись в сторону крепости.

3

Старая стена выдержала не одну осаду. Но и она постепенно поддавалась действию времени. Известка выкрошилась от дождей и ветра, а сам камень, когда-то гладко отшлифованный, стал бугристым и шероховатым. Да и солдаты, получившие необременительную службу в забытой богом крепости за былые заслуги, тоже были немолоды. Те, кто не смог устроиться в учебные подразделения крупных гарнизонов и был слишком стар, чтобы нести активную службу, списывались в вот такие небольшие форпосты на тихих пока еще участках эласской границы. Между Палсом и Эласом шла давняя и вялая война, кое-где на границе стояли войска и даже шли бои. Но здесь из-за широкой и бурной реки было относительно спокойно.

На сторожевой вышке лениво дремал солдат. Этот седой ветеран-мечник с почерневшим от вечного загара лицом грезил о бутылке старого «Байно» и стройных ножках, живущих в одном интересном доме соседнего городка...

Так и не покачнувшись ни разу, лодка души старого солдата мягко отплыла в сады вечности, а тень за его спиной неслышно растворилась в полумраке длинной винтовой лестницы.

Часовой у входа в башню, поставленный в караул вне очереди за пьяный дебош, был трезв как стекло и зол на весь мир. Он твердо решил, что первый же не ответивший без запинки пароль получит стальной арбалетный болт прямо в глаз. Он раздраженно озирался вокруг, ища малейший повод для скандала, как неожиданно для самого себя ощутил приятное тепло в области поясницы и почувствовал, как давний радикулит, заработанный в Харнийских болотах и мучивший с самого утра, вдруг отступил. Он высвободил руку из кожаной петли сигнального колокола и осторожно потрогал спину. Странно, что именно в том месте, откуда шло тепло, к кольчуге намертво прилипла какая-то штука. Он только собрался ухватиться за нее покрепче, как понял, что конец этой штуки уже торчит глубоко в нем. Затем он провалился в теплое, ласковое беспамятство, и мир окончательно угас. Крепкие руки заботливо приняли обмякшее тело, усадили под лестницей сторожевой башни и аккуратно, в одно движение, свернули ему шею.

Караульное помещение, наполненное густым портяночным духом и могучим солдатским храпом, не сразу, но затихло. Только радостный писк пирующих на нежданном празднике крыс мог бы потревожить спокойный сон стражников, да куда им! Слишком крепко они теперь спали...

Между башней и фортом находилась большая и хорошо освещенная факелами площадь. Плотно утоптанная глина хранила отпечатки сапог многих поколений солдат, несших службу в этой дыре. Два здоровенных гвардейца угрюмо мерили ее глазами, лениво переговариваясь вполголоса и скрипя доспехами.

Неясная тень мелькнула возле стены и пропала. Гвардеец моргнул. – «Черт, привидится же такое. Да, час оборотня – самое гнилое время суток». – А вслух спросил:

– Вина не осталось?

– А факх его... – Напарник лениво сплюнул. – Глянь в мешке. Да не греми! Не ровен час, капитана побудишь.

– Да, капитан-оборотень это кинхан немис, – сказал первый, шагнул в сторону и, коротко дернувшись, замер приколотой бабочкой, а потом навсегда склонился над заботливо спрятанным в тени заплечным мешком.

– Ну что ты там копаешься? – раздраженно спросил второй. Он еще только собирался шагнуть вперед, а Смерть уже глумливо щерила над ним свой беззубый рот. Два бесстесных облака одновременно метнулись к нему, и перебитый в двух местах позвоночник выдал стражу прямой билет на тот свет.

Несмотря на порванную кое-где одежду и расцарапанную щеку, выглядела Таисса вполне сносно. Она показала на стену позади себя и сначала растопыренную пятерню, а потом еще один палец.

Рей в ответ показал две полных пятерки. Десять. Стандартный гарнизон – около ста человек. Она качнула рукой в сторону форта и восемь раз показала обе растопыренные руки. Рей кивнул головой и пальцем сосчитал этажи форта. Три плюс капитанская башенка и сигнальная башня в центре.

Медленно, словно желтый мор, они двигались по этажам форта. И словно мор, они оставляли за собой только смерть. Рей уже закончил зачистку сигнальной башни, когда резкий пульсирующий свист запредельного тона заставил сердце на мгновение сбиться с ритма.

Он быстро скользнул вниз, а потом черной тенью метнулся вверх по лестнице, ведущей в покой начальника крепости.

Страшной силы удар заставил тяжелую окованную железом дверь обессиленно повиснуть на одной петле, и звуки боя окутали его плотной упругой волной. Огромный нетопырь, расплескавший свои черно-серые кожистые крылья по большому залу, уже загнал Таиссу в угол и, несмотря на многочисленные раны, готовился с ней покончить. Но что-то сильно ударило его сзади, и нестерпимое жжение разлилось по матово блестящей бугристой спине.

Нетопырь рывком развернулся, но закончить молниеносную атаку не успел. Что-то мучее, словно кузнецкий молот, встретило его безобразную шипастую башку на встречном движении, вмяв клыкастую челюсть прямо в мозг. Зверь еще раз дернулся в агонии и затих. Потом медленная, тягучая дрожь волной прокатилась по трупу, и он начал съеживаться и рывками менять очертания, пока не превратился в голого щедушного человечка с размозженным черепом. Человечек еще раз дернулся и расслабленно опал. Рей смотрел на трансформацию, пока она не закончилась, а потом, подойдя ближе, зачем-то одним ударом меча отсек изуродованную голову. Потом подумал секунду и еще одним ударом разрезал труп почти пополам, громко хрюстнув сокрушающими костями.

Рей переступил распластанное тело и подошел к трясущейся Таиссе. Залитая с ног до головы кровью оборотня девушка испуганно подняла глаза, и стало видно, как слезы прочертили две белые дорожки по пухлым пыльным щекам. Неожиданно для себя Рей приподнял ее подбородок и впился долгим поцелуем в ее сочные губы, смешивая нежный мягкий вкус ее губ с терпким солоноватым вкусом крови.

4

Со страшным скрипом и грохотом рухнул проржавевший створ подъемного моста, и шесть всадников быстро миновали молчаливую крепость. Они гнали кринтов, пока не оказались на другой стороне.

Короткая, в несколько часов, передышка, и с рассветом они снова отправились в путь. Но только теперь более тридцати всадников пограничной гвардии, молчаливых седых ветеранов, плотным кольцом несли охранение маленького отряда до самого перевала, где их встречали гвардейцы короля.

– Мы ждали вас на форпосте Кинтан! – вместо приветствия крикнул неожиданно молодым голосом высокий седовласый мужчина в форме капитана королевской гвардии. Он похлопал своего кринга по шее, бросил поводья одному из своих солдат, подошел к принцессе и склонился в нарочито глубоком поклоне.

– Привет, Дакс! – устало улыбнулась принцесса, легко спрыгивая с седла прямо в его крепкие руки. – Планы пришлось немного изменить.

– Что, тяжело пришлось, сестричка? – уже серьезно спросил Дакс, заглядывая в ее глаза.

– Гнали, как стаю бешеных собак... – глохо ответила Анойа. – Ни одной щели, ни одного шанса. От самого перевала Ливо до зоны лесов... В конце нас выдавили на отряд Ригдена.

Услышав это имя, Дакс до скрипа в побелевших суставах стиснул навершие тяжелого двуручного меча.

– Как вам удалось уйти?

– Видишь парня в черных доспехах? – спросила Анойа, не оборачиваясь назад, где стоял ее маленький отряд.

– Ну? – Дакс украдкой глянул поверх ее головы.

– Пока нас дорезали в реке, он ворвался на берег и убил Ригдена. А потом перебил остальных. Примерно человек двадцать.

– Так не бывает, – прошептал Дакс.

– Да? – насмешливо переспросила принцесса. – А если я тебе скажу, что он зарубил графа его собственным клинком, а потом перерезал арбалетчиков?

– Они что, не успели выстрелить? – ошарашенно спросил Дакс.

– Успели. – Она пристально посмотрела на капитана. – Но не попали.

Дакс потрясенно молчал. Он прекрасно знал, что арбалетчик с короткой дистанции не промахивается. Даже если это его последний выстрел. Именно потому, что последний. Он не зря носил эмблему капитана королевской стражи и хорошо знал цену такому результату боевой эффективности.

– А ты знаешь, кто еще лег на той поляне? – продолжала Анойа.

– Ну я не знаю... – Командир гвардейцев криво усмехнулся. – Теперь мне, наверное, нужно предположить что-нибудь совсем невероятное, чтобы это оказалось правдой. Например, что он разделял самого Рабида.

– Нет, братец, – улыбнулась принцесса. – Ты сегодня не особенно догадлив. Неужели имя Кин Тагинах тебе ничего не говорит?

– Как это было? – глухо спросил Дакс, глядя вниз на обметенные свежей росой верховые сапоги.

– Колдун метнул огонь, но, видимо, не попал. А потом Рей что-то сделал, и фыюить! – свистнула Анойа. – Придворный маг просто сгорел, как ярмарочная шутиха.

Дакс молчал. Сколько сил и людей было напрасно потрачено, чтобы свести этого подонка в могилу, а тут раз, и все...

– И еще. – Принцесса помолчала, подбиравая слова. – Ночью, вдвоем с Таиссой, они перерезали весь гарнизон форпоста. Если ты помнишь, Таисса – одна из лучших учениц монахов Храма Тени. Но даже она не смогла бы справиться с оборотнем. И не справилась... Капитан форпоста оказался оборотнем-крыланом. По словам Таиссы, он почти прикончил ее, когда ворвался этот парень и убил крылана голыми руками.

– Желтый мор на мою голову! Да откуда он взялся?!? Кто он вообще такой?

– Лучше нам этого не знать, – серьезно проговорила Анойа. – Да...

Она внимательно посмотрела на Дакса.

– Я знаю, как твои гвардейцы относятся к чужакам. Объясни им, что мне будет недостаточно каждого, кто решит затеять с ним ссору.

– Лично за этим присмотрю! – пообещал Дакс, задумчиво глядя на спокойную фигуру незнакомца.

В один из вечеров, когда отряд остановился на ночевку и солдаты готовили лагерь, к Анойе подсела Тассана.

– Ани?

– Да, милая! – отозвалась принцесса, не прекращая расчесывать свою белоснежную гриву изящным чеканным гребнем белого золота.

– Ты заметила? – спросила Тассана.

– Что заметила? Ты про нашего спасителя?

– Да. Странный он какой-то. В одежде и доспехах путается, словно ребенок. При явной привычке к верховой езде никогда не ездил на крингах. И этот странный цвет его глаз. Я вообще не слышала, чтобы у кого-то были такие глаза.

– Добавь еще навыки врача, – подхватила Анойа.

– Это ты про то, как ловко он заштопал твою ногу? Ну и что ты обо всем этом думаешь?

– О чем, Тасси?

– Ну об этом Рее.

– Я просто стараюсь не думать о той тьме, что его извергла. Иногда мне просто страшно подумать о том, что было бы, если бы он оказался не на нашей стороне...

– Обсуждаете нашего спасителя? – бесцеремонно ворвалась в разговор Верна, так и не снявшая доспехи, несмотря на многочисленную охрану.

– Да, разминаемся перед прибытием в Столицу, – тоном светской кумушки томно проговорковала Анойа.

Верна усмехнулась и задумчиво взъерошила свою пышную шевелюру.

– Да, уж чего-чего, а разговоров при дворе будет хоть отбавляй! – Она присела рядом, а затем, выщипывая непослушными пальцами заскорузлую застежку нагрудника, сказала: – Вы заметили, как на него смотрит Таисса с той самой ночи? Словно он для нее Бог и Отец в одном лице...

– Ревнуешь? – лукаво улыбнулась Тассана, подсаживаясь к Верне и помогая ей справиться с промасленным замком.

– Убееги мееа Вшеблагий от шблазна! – прошамкала Верна, зажав в зубах ремешок от налокотника. – Тьфу! Гадость... – Она выплюнула ремешок и высвободила руку из наруча. – Ведь вы же помните, что после того как мы сняли ее с плахи в Тогинсе, она мужиков к себе только на кончик клинка подпускала. А тут! – Верна развела руками. – Ох помяните мое слово, это только начало истории.

– Не маши крыльями! – зашипела на нее Тассана. – А то спать будешь тоже в доспехах. Черт! Если эта застежка оставит меня без ногтей, то я нашего оружейника оставлю без шаров.

– А... Он старый, ему, по-моему, уже все равно.

Звякнули, опадая, нагрудная и спинная пластины.

— Ух... — потянула воздух носом Верна. Потом сморщила носик и бросив только: — Мыться!!! — умчалась к ручью.

Девушки проводили ее задумчивыми взглядами.

— Ты полагаешь, она права? — спросила, помолчав, Тассана.

— Кто его знает? — ответила Анойа, задумчиво шелестя гребнем. — Одно скажу. Ты сама знаешь, как важно Кивилгару то, что мы везем. От этого зависит исход войны, а может, и больше. И если б Рей был на стороне наших врагов, то мы в лучшем случае лежали бы с перерезанными глотками на дне реки.

— Да, это точно, что в лучшем случае! — поддакнула Тассана.

— Я думаю, разумнее будет оставить наши сомнения до прибытия в столицу. А там Кивилгар сам разберется.

Имя придворного мага, как это нередко бывало, прошелестело коротким ветерком в высоких кронах и взметнуло из едва разгоревшегося костра целый ворох искр.

5

Если смотреть на большой тронный зал Серебряной башни, главной резиденции Императора, с верхней галереи, на которую пускали всякого, кто в состоянии заплатить пять монет, то переливающая всеми цветами радуги, шуршащая драгоценными тканями и сверкающая самоцветами толпа, источавшая тонкий аромат изысканных благовоний и журчащая негромким почтительным говорком, могла показаться приютом небожителей, что слетели на солнечных крыльях к трону своего повелителя. А сам владыка, Император Хаттис Стальная Рука, одетый в подобающие случаю бело-голубые одежды, суровый и немногословный воин, лицо которого украшал далеко не один шрам, полученный на полях жарких боев за власть и славу, рука которого, несмотря на преклонный возраст, была все еще тверда, что бы там ни говорили завистники, Император был ярчайшим олицетворением того, что может сделать с государством человек, который хотя бы несколько раз в день вспоминает о существовании своего народа.

Казна ломилась от золота, торговые пути были полны купцами, а рынки завалены едой, которая была по карману даже самому бедному кашшахт, промышлявшему подаянием на папертях многочисленных церквей. Придворный насмешник и сквернослов, а по совместительству главный маг и шеф тайной канцелярии Эласа Кивилгар, пожалуй, лучший боевой маг планеты, стоял грозной тенью за спиной Императора, вглядываясь своими пронзительно-голубыми глазами в придворную толпу, и легкая полуусмешка, блуждавшая по лицу, лучше всяких речей говорила, что он думает об этой своре недоумков.

Телохранительницы Императора, ослепительно прекрасные женщины-воины, одетые по обычаям своего племени в крылатые доспехи, были похожи на гигантские статуи черных бабочек. Окружавшие трон суровым полукольцом, они были готовы в любой миг растерзать посягнувшего на жизнь и честь своего благодетеля.

Это вид с галереи.

Если спуститься немного ниже, туда, где находились позиции королевских снайперов, или еще ниже – на служебную территорию, и не побояться быть случайно облитым каким-нибудь особенно изысканным, а посему и невероятно едким соусом с подноса сбившего вас слуги, то картина представлялась уже несколько другой.

Может, тому виной был особый угол, под которым мы могли наблюдать обманчивую игру солнечных бликов сквозь высокий мозаичный купол, а может, неприятные звуки, доносившиеся откуда-то и напоминавшие почему-то скрип старых пластин корсетов на мощных чреслах придворных девиц и хруст древних мослов записных красавцев, не один десяток лет терзавших двор своими любовными похождениями? А может, все дело в вязком затхлом запахе давно не стиранного белья и немытых тел, наверняка прилетевшем откуда-то из дальних трущоб? Не знаю…

И все же только скользнув туда, вниз, в самый центр толпы, мы можем по достоинству оценить весь блеск избранного общества.

– Интересный расклад получается, графиня. Вы не находите?

Говорившая, высокая статная блондинка в изящном голубом платье, отороченном белопленными кружевами, повернула свое скучающее лицо так, что ее немного раскосые темно-карие глаза неожиданно блеснули в свете солнца, пробивавшего сквозь высокие ажурные окна с тонкой вязью витражей. Плотно сжатые бескровные губы придавали блондинке довольно хищный вид, впрочем, судя по всему, вполне соответствующий ее характеру.

– Вы о нежданном возвращении принцессы Анойи, баронесса? – отозвалась ее собеседница в тяжелом бархатном платье со шлейфом, густыми темно-синими волнами волочившимся за ней. Графская диадема украшала ее в общем даже красивое лицо, которое немного портила печать склонности.

— А о чём же еще? Конечно же, об этом. Так ловко оборвать все надежды императорскихbastardов на трон, вернувшись из этого самоубийственного путешествия? Ты только посмотри на них. Да нет, не там! Вон, в углу, за колонной...

— Ааа... Виконт Элингар! И если не ошибаюсь, со своей придурковатой супругой?

— Да-да! Как они прискакали из своей деревни! А ведь носа при дворе не показывали.

— А вон там... — Баронесса слегка скосила свои карие глаза и стала на мгновение похожа на хитрого зверька. — Этот жирный козел Лисгарт со своей ходячей табуреткой. Смотри, даже посинел от злости. — Она тихо рассмеялась приятным мягким голосом. — Того и гляди, лопнет...

— Подожди, вот прилетит дебил Эрондайк, тогда и начнется...

Ее собеседница коротко усмехнулась.

— Уже началось. И...

Она что-то хотела добавить, но высокий звучный голос герольда прервал ее на полуслове.

— Граф Ратонга-и-Гассари!

Вошедший резко контрастировал с угловатыми и тяжелыми нарядами окружавшей его толпы не только своей мягкой и удобной одеждой. И не только загаром, плотным коричневым слоем покрывавшим его лицо и руки. Было во всем его облике, в мягкой стелиющейся походке, во взгляде спокойных странно-зеленых глаз что-то такое, что заставляло бывалых интриганов отводить глаза и замолкать на полуслове.

Вся эта сиятельная свора, сожравшая в свое время не один десяток таких, как он, высокочек-однодневок, застиравшая их до бледно-могильной синевы в мутном водовороте дворцовых интриг, тревожно нахмурившись, провожала новичка озадаченными взглядами.

— Подойди ближе.

Несмотря на то что голос Императора был тих, как шепот, он донесся до самых дальних уголков зала.

— Ты оказал нам бесценную услугу. Что ты хочешь в награду?

Грузный и седой, но все еще крепкий, Император сидел, небрежно развались на огромном тяжеловесном троне, и внимательно разглядывал новоявленного графа.

Ничуть не смущенный таким вниманием граф коротко пожал плечами и произнес на вполне пристойном эласском, впрочем, слегка коверкая окончания.

— Мне не о чём тебя просить. Захочешь — дашь сам.

Зал замер.

Такого неслыханного хамства придворные еще не слышали. И даже в их закостеневших от подлости душах шевельнулось нечто похожее на жалость к этому недалекому варвару, обрекающему себя на тяжкие пытки в Дальней башне. Оскорблению, нанесенное им, было столь неслыханно и чудовищно, что они боялись даже выдохнуть, чтобы нечаянным шумом не привлечь на свою голову гнев владыки.

Каково же было их удивление, когда вместо команды королевской страже арестовать наглеца Император хрипло и громко рассмеялся.

— И все же неужели тебя совсем ничего не интересует? Я бы мог предложить деньги. Много денег. Славу, женщин. Власть моя велика...

Ратонга-и-Гассари коротко кивнул, словно соглашаясь со всем сказанным.

— Много денег мне не нужно. Три сапога на одну ногу не оденешь. А женщин и славу я предпочитаю добывать в битве.

— А если я предложу тебе Империю?

И вновь в зале стало так тихо, что стал слышен и шум, неясно сочившийся с верхних галерей, и даже звон кастрюль на кухне.

Ответ графа прозвучал в этой тишине так ясно, что стал понятен даже стоявшим на самом верху простолюдинам.

– Власть – тяжкая и неблагодарная ноша, Император. Лишь крайняя необходимость и безвыходное положение способно заставить меня принять подобное предложение.

Хмуро и тяжело Император глянул на стоявшего перед ним. Затем задумчиво сгреб свою роскошную бороду в кулак и протянул по всей длине.

– Хорошо сказал…

Потом помолчал и, словно хотел заглянуть в самую глубину сердца своего собеседника, внимательно посмотрел в его ярко-зеленые глаза. Вздохнул непонятно чему и взмахнул жезлом, давая понять герольду, что прием окончен.

6

Прошло уже три дня с той памятной всем аудиенции. Двор с увлечением обсуждал, предсказывал, заключал пари и вообще всячески перемывал косточки новоявленному любимцу Императора. А причина переполоха Рей, граф Ратонга-и-Гассари, бродил по городу и дворцу, изучая его с прилежностью школьара дипломатической, сиречь разведывательной, академии Давона, поставлявшей своих учеников ко дворам всех шести императорских домов. Молва, что бежит быстрее императорских гонцов, раскрывала перед ним все двери – от лучших домов до гнуснейших притонов, а несколько коротких, но эффектных драк с записными городскими буянами только упрочили его довольно мрачную репутацию.

Расположенная на пологих холмах в дельте полноводной реки, эласская столица была не просто деревней, разросшейся до огромных размеров, а планомерно застроенным городом на перспективном торговом и военном пути. Удобный, хорошо оснащенный порт и широкие, мощенные плотным рыжеватым камнем дороги, расходившиеся веером по всем шести провинциям Эласа, создавали исключительные перспективы для процветания как города, так и всей страны.

Многочисленные башни дворца, похожие издали на связку органных труб и трубочек, устремленных в синеву неба белоснежным частоколом позолоченных шпилей, безраздельно царствовали над всей панорамой столицы. С ними соперничали и не могли превзойти ни легкое, словно парус, сложенное из прозрачного зеленого камня здание Академии Магии, ни гордый серебристый шпиль – маяк резиденции Торгового Конгресса. Вообще архитектура города, стоявшего на перекрестке трех, а в исторической перспективе и пяти различных культур, поражала многоголосием стилей и ритмов. Строгий, словно похоронный менгир, дом Полицейского управления соседствовал с шаловливым цветочным павильоном и вообще ни на что непохожим переплетением шаров и кубов – храмом Властителя Небес Всеблагого Алингари.

Днем и ночью воздух над городом дрожал от звука голосов, скрипа колес и дверей, топота ног, звона колоколов и колокольчиков. Многоголосый шум, дробясь стенами и мостовыми, взлетал над городом и расстился над окружавшими его полями ровным несмолкающим гулом.

Одно лишь маленько облачко портило эту идиллию. Это бесчисленные орды степняков. Они скопились на границе и были готовы разодрать в клочья эту пышущую здоровьем и богатством страну. Единственное, что удерживало их миллионную армию – это бурная и широкая Сенда, разделявшая материк почти пополам. Почти все мосты уже были разрушены, остался лишь хрупкий и не годящийся для переброски войск кинтанский мост и доживающий последние дни мост у форпоста Аглис.

Глупые надеялись на то, что река и узкие горные тропы остановят полчища рвущихся на богатые эласские земли степняков. А умные уже переводили имущество в звонкую монету и снаряжали караваны за океан, в Безерг. Много было умников, надеющихся пересидеть грозу в уютном подвале. Но кроме умников были и мудрые. Те, кто понимал, что если заразу не остановить сейчас, то она охватит всю землю. Города Эласа еще не видели такого скопления воинов, боевых магов и всех тех, чьим образом жизни стала война. Оружейных дел мастера были нарасхват. Их мастерские полыхали горнами и звенели молотками сутки напролет, но все равно оружия не хватало.

Надеясь на решающее сражение, Император тайком стягивал войска на Сейласскую пустошь, где собирался сейчас цвет военных кланов Эласа. Кивилгар вел долгие переговоры с колдунами, торговцами и совсем уж темными личностями, в изобилии сновавшими в эти дни по столичным улицам. Но как он ни бился, сколотить мало-мальски толковый военный альянс не получалось. Зато в изобилии хватало всяких предсказателей, изобретателей очередного

чудо-оружия и вообще шарлатанов и проходимцев. Император относился к ним так: некоторых выслушивали и пороли только потом, а кого-то пороли даже без аудиенции.

Пользуясь привилегиями Гостя Короны, Рей посещал все те места, которые обычно скрыты от внимания праздной публики. Казармы, сторожевые башни и даже кухня – ничто не избежало его неназойливого, но внимательного взгляда. До обеда он обычно гулял по городу или дворцу, а послеполуденное время обычно проводил в компании принцессы Аной и ее друзей.

В тот дождливый день Рей, вопреки своему обыкновению уединяться в ненастные вечера, не остался в богатой Императорской библиотеке. Вдвоем с изящной и грациозной спутницей, затянутой в длинное, до пят полупрозрачное саро, из-под которого были видны только смазанный силуэт гибкого стройного тела, угольно-черные локоны немногого выющихся волос и кончики мягких полусапожек, они зашли к одному из наиболее уважаемых рестораторов столицы горо Ханди.

Несмотря на краткость их знакомства с графом, горо был преисполнен такого неподдельного уважения к гостю, что это стало заметно даже совсем ненаблюдательным посетителям.

Специально для них в малый зал был вынесен прекрасной старинной работы стол резного дерева и накрыт тончайшей, почти прозрачной скатертью линданского шелка. Посуда кинтанского «Императорского» фарфора, благороднейшие вина в почерневших от времени бутылках и даже одинокая бледно-розовая эгли на тонком стебельке в мелких капельках дождя… Даже Император, случись невероятное и зайди он в заведение Ханди, не был бы удостоен лучшим приемом.

Пока накрывался стол, Рей куда-то исчез, оставив свою спутницу наблюдать за приготовлениями.

Появился он через весьма продолжительное время и, ответив успокоительным кивком на ее вопросительный взгляд, жестом пригласил к столу.

– Могу ли я поинтересоваться, любезный граф, ради какого дела вы оставили меня одну в этом вертепе? – спросила дама полуобожено-полушутя, когда они сели за стол. – Слабой и беззащитной девушки очень опасно находиться в одиночестве в таких местах.

– «Слабой и беззащитной». Ага, – непонятно ответил Рей, поднимая на свет хрустальный бокал с густым и терпким, словно поздняя осень, «Давонским штандартом» благородного темно-фиолетового цвета. Отпив крошечный глоток, затем раскатав языком его по поверхности неба и медленно вдохнув и выдохнув тягучий аромат, он продолжил: – Жаль только, сударыня, вас не слышат все убиенные вами. То-то они бы поразились вашей скромности!

Под полупрозрачной накидкой тускло блеснул ровный ряд белоснежных зубов.

– Полноте, граф! – сказала Таисса, откидывая с головы накидку и поправляя украшенные бриллиантовой диадемой волосы. – Лучше расскажите, как это вам удалось добиться такой дружбы со стороны нашего милого хозяина?

Рей улыбнулся.

– О… Это забавная история! – Он с хрустом потянулся. – Я набрел на это заведение ночью, когда устал от хождения по городу так, что отламывались ноги, и искал место, где можно достойно перекусить и отдохнуть. То, что они мне подали в первый раз, едой можно было назвать очень условно. Рыхлое переваренное мясо, пересоленные овощи и дрянное вино. Я, конечно, возмутился. На звук скандала вышел горо Ханди. Он битый час доказывал мне, что еда прекрасная и что лучшей я не найду и при дворе Императора. Когда мне это надоело, я потребовал показать мне, где находится кухня. Горо, конечно, удивился, но кухню показал. А там я отнял несколько кусков мяса и какие-то приправы и за полчаса приготовил еду по своему вкусу. Ну а после приготовления усадил горо Ханди за стол там же, на кухне, и предложил продегустировать свое произведение. Не могу сказать, что он отнесся к моей затее с энтузиазмом. Представляешь, сколько еды за день ему приходится перепробовать? Но любопытство

все-таки взяло верх. Когда он вылизал тарелку до последней крошки так, что мыть ее уже не было никакого резона, он навис над ней словно воплощение скорби.

— Я-то думал, что знаю о еде все... ну или почти все, — быстро поправился он. — Но это... Магия? — спросил он с надеждой.

Конечно, было бы совсем просто назвать это магией и успокоить старика.

— Это магия из тех, горо, — ответил я, — которой просто учатся, а потом всю жизнь шлифуют сплав из знаний и способностей. Не огорчайтесь, вы действительно знаете о еде очень много. Просто между нами разница... ну как между курсантом военной академии и опытнейшим сержантом, поседевшим в боях. В любом искусстве важно не только знание тактики, но и хотя бы представление о существовании стратегии.

Затем я несколько часов провел на его кухне, рассказывая все, что знал о кулинарии. Напоследок он взял с меня обещание хотя бы раз в неделю заходить к нему и готовить что-нибудь новенькое. А в качестве гонорара он обещал меня бесплатно кормить... Вот и все! — Рей развел руками, показывая, что история закончена.

— А когда рецепты иссякнут? — подала голос Таисса.

— Долго ждать придется! — ответил Рей, отделяя нежное ребрышко иданси от тушки, запеченной в винном соусе. — Обычно столько не живут.

— А что, и вправду так вкусно? — поинтересовалась девушка, плотоядно озирая поле предстоящей схватки.

— А ты попробуй, — посоветовал ей Рей с набитым ртом. — Только не пищите потом, герцогиня, про фигуру, диету и прочее. Для начала вот это. — И он показал уже обглоданным ребрышком на субстанцию, похожую скорее на цветочную клумбу, чем на что-то из категории еды. — И непременно глоток сухого «Байно». — Он сделал знак официанту. — Иначе это будет скучновато.

Словно бывалый лоцман, Рей вел ее по морю вкусовых наслаждений, удерживая твердой рукой курс и делая по ходу плавания пространные замечания о быте и нравах народов, придумавших себе в усладу то или иное блюдо.

Истории были иногда печальные, и тогда Таисса грустила, нахолившись, как воробей под осенним дождем, или же веселые, заставлявшие ее рассыпать свой серебряный смех по каменным плитам зала, или философски-поучительные. Тогда она сидела раскрыв рот и забывая даже жевать, захваченная диковинными аллегориями старинных легенд никогда не слышанных ею племен...

Под конец вечера, когда разогретая вином и совершенно осоловевшая от еды Таисса жалобно смотрела на все несъеденное и невыпитое, к ним вышел горо Ханди.

И вновь Рей удивил ее. Вместо того чтобы, как подобает человеку его положения, молча принять все полагающиеся в таком случае почести, он встал и, сделав один шаг к Ханди, коротко, но учтиво склонил голову и произнес:

— Дороги не выбирают друзей, но друзья выбирают дороги. Я счастлив, горо Ханди, что выбрал дорогу в ваш гостеприимный дом. Я и моя спутница благодарим вас за доставленное удовольствие.

Изысканность и достоинство сказанного почему-то отзвались в ней неясным покалыванием в кончиках пальцев и легким стеснением в горле.

Когда растроганный до слез горо Ханди ушел, Таисса несмело подняла глаза от затейливого узора скатерти.

— Граф Ратонта-и-Гассари! Вы можете ответить мне на один вопрос?

— Да, герцогиня Таиссангар! — ответил он, немного удивленный таким церемонным обращением, и отставил в сторону уже наполненный бокал.

— Кто ты?

Он грустно улыбнулся.

– Полагаю, что тебе нужен предельно четкий и правдивый ответ? Да? – И не дождавшись отклика, продолжил: – Я чужак в вашем мире.

Она кивнула.

– Это мы уже поняли.

Рей отметил для себя только неясное «мы» и определенное «уже».

– Нет! – рассмеялся он. – Я чужак не только на этой земле. Боюсь, я чужак в вашей Вселенной. Если ты понимаешь, о чем я говорю.

Она коротко кивнула еще раз.

– Кивилгар рассказывал… – Она немного помолчала, а затем, будто решившись, спросила: – Кем ты был в своем мире? Королем? Императором?

– Зачем тебе это? – удивился Рей.

– Понимаешь… В тебе много странного. То, как ты смотришь на наше оружие – словно взрослый на детские игрушки. И то, как ты реагируешь на привычные нам с детства вещи, ну, например, на светильники. А главное – как ты ведешь себя…

Рей машинально оглянулся на висящие без всякой опоры в разных местах небольшие, размером с кулак взрослого мужчины, шары, источавшие приятный золотистый свет. Он даже как-то разбил один из них на пустыре за крепостной стеной. Рвануло классно. Только все равно непонятно, как они устроены.

– Наша планета давно изучена, – продолжала Таисса. – Все государства наперечет. Как и все дворянские роды на много сотен лет в прошлое. Твоя манера общаться и держаться в обществе совершенно однозначно говорит о прекрасном образовании и воспитании. Но самое главное – привычка повелевать людьми. Этому на словах не научишь. Тут необходим опыт. Причем личный. Но ни в одной из Родовых книг нет никого похожего на тебя. Мы уже провели свои копии Книг. Да и фенотип твой совершенно нехарактерен ни для одного из племен нашей земли. А как ты помог нам, спасая экспедицию…

– А кстати, что в ларце-то было? – небрежно спросил Рей.

– Там? – задумавшись о чем-то своем, переспросила она. – Книги.

– Должно быть, редкие книги, – произнес Рей, внимательно глядя на Таиссу поверх бокала.

– Ты знаешь, я не очень хорошо в этом разбираюсь. Тебе лучше поговорить с Кивилгарам.

Рей хототнул и немного отпил из бокала.

– Ваш колдун что-то не торопится приглашать меня в гости.

– Понимаешь, мы все в некоторой растерянности… Да еще эти кочевники…

Опять это «мы»!

– Глупости! – перебил он. – Насколько я понимаю, хуже, чем сегодня, положение не будет. Сегодня вы только сдерживаете их агрессию, полагаясь на то, что у армии противника скорее иссякнет желание наступать или они удовлетворятся захваченными территориями. Да вам не ждать нужно, а каждый божий день тренировать войска и окапываться так, чтобы каждый метр отвоеванной у вас земли обходился противнику немыслимо дорого. Чтобы он харкал кровью на каждом миллиметре. А вы тут жрете, пьете, словно ничего не происходит. Кто командует войсками?

– Кивилгар.

– Опять этот колдун? Он хоть что-то в этом смыслит?

– Он главный маг Империи…

– Этого очень мало, – невесело ухмыльнулся Рей. – Ладно. – Он поднял глаза. – Поведешь к своему Кивилгару?

– Его сейчас нет в столице. Уехал на границу с Палсом. Будет только завтра к полудню.

– Ну столько терпело, и до полудня дотерпит… – философски произнес Рей. – Не плачь! – Он склонился над Таиссой и провел чуткими пальцами по влажной дорожке на ее щеке. – Прорвемся…

7

Когда утром Рей покидал спальню, Таисса еще спала, уютно свернувшись калачиком, словно котенок. Он поправил тонкое, почти невесомое одеяло, отогнал движением ладони с ее щеки крохотный солнечный зайчик, просочившийся в щель меж плотных занавесок, и выскользнул наружу.

Яркое солнце на синем с бирюзовым отливом небе разогнало вечернюю ненасть без следа. Только едва заметная дымка на востоке показывала направление ушедшего дождя. Быстро окунувшись в небольшом бассейне, Рей переоделся в легкую, удобную одежду и сбежал в один из бесчисленных маленьких внутренних двориков. Там по его приказу уже были вкопаны несколько толстенных, в человеческий обхват, стволов и прикреплены такие же могучие перекладины, на которых болтались массивные кожаные мешки с песком. Скоро звуки хлестких, словно выстрел из корабельной пушки, ударов заполнили гулкое пространство двора. Затем серия медленных и тягучих, как патока, движений, и вновь каскад ударов на сумасшедшей скорости.

Понятно, что такое не могло остаться незамеченным во дворце, переполненном гостившими и служивыми дворянами, слугами, челядью и различного рода прихлебателями. За тренировками графа Ратонга-и-Гассари исподтишка наблюдали многие. Кто-то кусал от вожделения губы, глядя на это сильное, словно скрученное из стальных канатов, гибкое тело. Кто-то недовольно хмурился, размышляя на тему господских забав, а кто-то от бессилия и ярости набухал черной злобы.

Идиллию прервал захлебывающийся от бега молодой клирик из свиты Кивилгара.

Он влетел в узкий колодец двора словно вихрь и некоторое время бессмысленно кружил по нему.

– Граф... Граф... – задыхался он.

Рей перехватил его на очередном галсе и, встряхнув немного, дождался появления осмысленности на лице, после чего строго и повелительно спросил:

– Ну?..

– Дамеди Кивилгар приказывает тебе срочно явиться к нему.

– И чего он от меня хочет?

Забуксовавший от такого странного вопроса клирик захлопнул рот и, видимо, отключился – глаза его вновь утратили осмысленное выражение.

– Системная ошибка, – непонятно по какому поводу пробормотал Рей и вылил на служку ведро холодной словно лед воды. – Перезагрузка!

8

Владения Кивилгара занимали целую башню в северной части дворца. Не успел Рей подойти к высоким, в два человеческих роста, дверям, как они распахнулись с жутким и немного нарочитым скрипом.

За дверями сразу начиналась ничем не освещенная винтовая лестница, уходившая круто вверх. Как только двери закрылись, густая бархатная темнота накрыла Рея словно колпаком. Но стоило шагнуть на первую ступеньку, как и лестница, и потолок над ней засветились мягким зеленоватым светом. По мере того, как он поднимался, начинали светиться все новые и новые пролеты, а те, которые оставались позади, медленно погружались во тьму.

Последний лестничный марш привел Рея в небольшой и со вкусом обставленный зал, напомнивший ему виденную когда-то в детстве гравюру с изображением мастерской звездочета.

В центре комнаты, ни на что не опираясь, над квадратной каменной плитой парил в воздухе огромный, почти полтора метра в диаметре, глобус. Чуть дальше стоял стол, заваленный книгами и документами. Несколько кресел, диковинного вида приборы на стеллажах вдоль стен. Повсюду валялись листы карт. Рей поднял тот, что лежал прямо под ногами. Какой-то кусок побережья, нарисованный, видимо, очень опытной рукой. Скорее всего, моряка. Отметки глубин, направление и скорости подводных течений, роза господствующих ветров и так далее.

Внезапно со стороны тяжелой занавески, прикрывавшей вход в другое помещение, раздался густой чуть хрипловатый голос.

– Интересуешься картами?

Конечно, Рей сразу заметил выскользнувшего из-за портьеры Кивилгара, но сделал вид, что появление колдуна было внезапным.

Он оторвал глаза от рисунка, и взгляду его предстал невысокий, плотного телосложения, пожилой, но все еще крепкий мужчина, одетый в простую рубашку, кожаные штаны и такой же кожаный фартук. Только высокие щеголеватые темно-зеленые сапоги тончайшей выделки нарушали облик эдакого мастерового-на-все-руки. Все остальное было в тему. В меру заляпанное, в меру чистое. Сойдет на первое предъявление. Бритый до синевы череп Кивилгара украшали небольшие усы и аккуратно подстриженная бородка. В целом он был похож скорее на богатого оружейника, чем на мага.

– Дамеди Кивилгар, если не ошибаюсь? – уточнил Рей.

Тот хохотнул и подошел ближе.

– Не ошибаешься. Пойдем. – Он положил тяжелую мускулистую руку на плечо Рея. – Разговор у нас будет долгий.

Комната, в которой они устроились, ничем не напоминала о роде занятий ее хозяина. Скорее она была похожа на гостиную царедворца.

Бесшумным привидением появилась хорошенькая девушка в длинном, до пят оранжевом одеянии мага первой ступени и поставила на стол перед ними бутыль с вином и бокалы. При виде девушки Рей вспомнил, что, несмотря на серьезный возраст, Кивилгар слыл жутким развратником. А на столе тем временем так же беззвучно появилась большая серебряная тарелка с фруктами.

– Осваиваешься? – спросил колдун, после того как зубами вытащил из бутыли пробку и точным движением по длинной дуге послал ее в направлении распахнутого окна. Как видно, пробка этой бутылке уже не понадобится...

Не отвечая, Рей молча пригубил вино, оценив тонкий аромат и теплый насыщенный вкус, и довольно прикрыл веки.

– Чудо. Что за сорт?

– Пей, пей, – поощрил его маг. – Такого вина в мире, может, всего пара ящиков…

– Что так? Не делают?

– Не делают, – кивком подтвердил Кивилгар, совершая тяжелый выбор между спелым плодом грайа и сочной веточкой линасса. – Давняя история. Торговец вез из Тассарины партию вина и напоролся на скалы. Почти сто лет вино пролежало на дне мелководного залива, пока его не подобрали мои моряки.

«Мои моряки». Что там у него – свой флот? Может, и своя армия?

– Да, сто лет – срок. Как только оно не скисло за такое время?

– Так в этом же все дело! – рассмеялся Кивилгар. – Там, на дне залива – источник силы, причем такой мощности, что хватило бы всю планету подогреть на пару градусов. Вот вино и лежало в створе луча почти сто лет.

Рей чуть не поперхнулся.

– Так это же почти эликсир бессмертия??!

– А ты думаешь, сколько лет назад оно появилось у меня? – Кивилгар совершенно разбойным образом подмигнул ему. – Ты пей, пей. Для хорошего человека не жалко.

– Так прямо сразу и хорошего? – усомнился граф.

– А что? – удивился колдун. – Да ты понимаешь, парень, сколько славных делов ты уже наворотил? Да за одно то, что ты забил этого ублюдка Тагинаха, тебе уже надо памятникставить на площади перед дворцом. Девчонок от верной смерти спас, а точнее, от кое-чего похуже. Ригдена зарубил собственным мечом!!! Да на тебя сейчас вся палская разведка охотится!

– Ну неблагодарное это дело – на меня охотиться, – меланхолично произнес Рей, вливая в себя по капельке божественного вкуса вино. – А кто на самом деле этот урод, что за ним такие хвосты?

Маг сделал круглые глаза.

– Ты что, не знаешь, кто такой Тагинах? Черт тебя дери! – Он снова плеснул вина в широкие кубки. – Лучший маг в мире! Он же от тебя мог и пустого места не оставить.

– Значит, не судьба ему, – спокойно ответил Рей.

– Не судьба! – От избытка чувств колдун вскочил и стал наворачивать круги по комнате. – Не судьба… – повторил он. Затем, видно, успокоился и снова сел на стул. – Расскажи, а? – попросил он, преданно заглядывая Рею в глаза.

Подробно, не упуская ни одной детали, Рей обстоятельно и со вкусом рассказал обо всех приключениях того памятного похода.

– Даа… Дела, – задумчиво произнес колдун, отправляя опустевшую бутылку вслед за пробкой в окно. Через несколько секунд раздался едва слышный звон.

– Тридцать метров… – машинально посчитал Рей.

– Что? – не понял сперва маг. – А-а-а… Тридцать пять. – И после паузы спросил: – Тебя совсем не зацепило?

– Да нет, зацепило… даже очень… – поморщился Рей.

– Ты хоть знаешь, какая температура в Огненной Волне?

– Песок сплавился до стекла, – спокойно ответил Рей. – Значит, выше тысячи точно было.

– Вот так вот запросто человека окунают в жидкий огонь, а он считает градусы… Слушай! – Колдун доверительно наклонился к Рею. – Давай так. Ты позволишь мне ма-аленький, – он показал пальцами, насколько маленький, – эксперимент, а я расскажу тебе, почему погиб Тагинах. Идет?

– Почему погиб этот колдун, я и так догадываюсь, – улыбнулся Рей.

– Ну? – удивился маг. – И почему?

– Образно говоря, он опрокинул на себя котел с кипятком. Он ведь готовился повторить атаку, когда я метнул ему в горло меч. И от неожиданности он схватился за него обеими руками. Вот и погорел…

– Да. Точно, – удивленно подтвердил Кивилгар. – Сам догадался так сделать или подсказал кто?

– Да нет, сам.

– А как насчет эксперимента? – не унимался колдун.

– Валяй, – лениво махнул рукой Рей. – Только не очень зверствуй. А то у меня рефлексы на боль вперед мозгов… Мало ли что.

– Нет, нет! – засуетился Кивилгар. – Ну максимум – легкий ожог. Вытяни руку вперед. Раскрой ладонь. Держи так.

Кивилгар потер руки, каким-то особенным жестом встрихнул пальцами над раскрытой ладонью Рея и когда раздвинул пальцы в стороны, на руку графа упал тускло светящийся и слабо потрескивающий шарик.

– Ну и? – не понимая, в чем суть, спросил Рей, катая на ладони красиво блестящий шар.

– А ты брось его куда-нибудь, – мрачно посоветовал колдун, не отрывая пораженного взгляда от зрелица лежащего на ладони файрболла.

Не успел шарик коснуться поверхности стола, как мореное дерево, из которого была изготовлена столешница, с негромким хлопком вспыхнуло и в мгновение ока прогорело насквозь.

– Небольшой ожог, говоришь, – медленно проговорил Рей, поднимая глаза от стола.

– Да-а, ну и дела… А? Что? Да ладно, брось ты! С твоей-то реакцией, – затараторил Кивилгар. – Слушай! – Глаза его загорелись нехорошим блеском. – А давай еще попробуем! Только на этот раз посерьезнее.

– Ну уж нет! – Рей коротко взмахнул рукой, словно отметая все возможные поползновения со стороны имперского мага.

– Да почему?!! – не унимался Кивилгар.

– А вдруг это случайность? Или скоро пройдет. Ты пойми. Я не могу рассчитывать на качество, о котором сам ничего толком не знаю. Ни как оно появилось, ни как и когда исчезнет. Это ведь не результат тренировок, а так, на грани фокуса. Это все равно что идти во вражескую крепость, надеясь на спящих часовых на своем пути.

– Ну ладно… – Кивилгар разочарованно махнул своей тяжелой лапой. – Воля твоя. – Он коротко хлопнул в ладони, и вновь появилась служанка. Уже другая, но тоже прехорошенская. Когда она ушла, Рей кивнул на дверь, за которой скрылась девушка, и спросил, мягко улыбнувшись:

– Коллекционируешь?

– А? Да нет, – рассмеялся колдун. – Просто ученицы.

– Ученицы?

– Ну да. Академия Магии, раздери ее пополам. Затеяли тут, понимаешь, магов штамповывать. – Он яростно поскреб в бритом затылке мозолистой пятерней.

– И… как? – осторожно спросил Рей.

– Как, как, – передразнил Кивилгар. – А никак! Кому на роду написано, тот и будет магом. А остальные… – Он махнул рукой, словно отметая мусор. – Чему-то, конечно, научу, но не выше уровня деревенской ярмарки.

– Слушай, а как это вообще возможно – обучение магии? – задал Рей давно интересовавший его вопрос.

– А чего это ты спрашиваешь? – подозрительно спросил колдун, – Никак в ученики метиш?

– В ученики? – усмехнулся Рей и лениво со вкусом потянулся. – А возьмешь?

– Нуу… – потянул Кивилгар. – Надо посмотреть. Тебе вообще-то поздновато, хотя, учтивая, что тебя самого магия не берет, можно попробовать. Хотя лично я, – он снизил голос до шепота, – на выстрел бы не подошел к магу, которого не берет.

– Это почему?

– А смотри! Вот зачем тебе, например, вся эта защита? Понимаешь, нормальный маг атаку затеет, так он сначала чего? Он позаботится, стало быть, о направленности, силе, ну, чтобы самого не зацепило. А ты рванешь так, что в округе на триста шагов ни травинки не останется. Нет уж! Без меня…

– Ладно, я пошутил. Не пойду в ученики, – примирительно поднял ладони Рей. – А насчет посмотреть – посмотри. Это запросто…

Он взял в руки фруктовый нож и, мельком поинтересовавшись: «Не жалко?», медленно, словно в воду, погрузил его в стол по самую рукоять.

– Нет, парень, если тебя не учить, – оторопело проговорил колдун, глядя на торчащий из стола нож, – ты таких вещей натворишь, вовек не расхлебаем. А что еще умеешь?

– Ветер могу, небольшие предметы двигать, иногда вижу, что человек думает. Вот ты, например, сейчас думаешь о том, как меня приспособить для оборонных нужд.

– Да… дела… – Кивилгар потер ладонью внезапно вспотевший лоб.

– Да нет, – Рей засмеялся. – Ты просто это очень громко подумал. Вот я и услышал.

– Все! – Кивилгар хлопнул ладонью по столу. – С завтрашнего дня каждое утро ты у меня. И не опаздывай. Иначе буду приходить сам.

– Хорошо. Договорились. А теперь можно несколько вопросов?

– Спрашивай, – удивленно ответил колдун.

– Что было в том ларце?

Преувеличенно внимательно ковыряясь в корзине для фруктов, Кивилгар скучно произнес:

– Книги…

– Просто книги?

– Не просто, конечно. – Маг тяжко вздохнул. – Древние рецепты стали, кое-какое оружие… В общем, все то, что использовалось в этом мире до момента, когда магия заменила технику. Дело в том, что степняки никогда не полагались на магию, и поэтому их оружие значительно лучше. Потом их просто больше. Около миллиона воинов. Это чудовищная по нашим меркам армия. Боюсь, нам ее не сломать. Ну а главная проблема, – Кивилгар перевел взгляд на Рея, – их чертов амулет. Эбит. Священная Книга Степи. Сам по себе ничего особенного, но давит всю магию начисто. Иначе мы бы стерли их еще на подходе.

– Ну и нашел чего в книгах? – улыбнулся Рей.

– Да хрен там! – Кивилгар от досады коротко врезал мозолистым кулаком по крышке многострадального стола. – Закорючки разные. Ни черта не понятно. Мои, – он устало мотнул головой куда-то в сторону, – уже вторую неделю ковыряются. Да все без толку.

Рей немного замялся, подбирая слова.

– А у вас есть какие-нибудь книги, где описаны разные вещества? Я имею в виду, не эликсиры и экстракты, а то, что получают из минералов…

– А у вас? – иронично переспросил Кивилгар.

В ответ Рей тяжело вздохнул.

– Справочник по химическим веществам в… – Он помолчал, мысленно переводя гигабайты в страницы. – В ста шестидесяти томах, с ежегодными дополнениями.

– Да ты и вправду издалека! – печально усмехнулся имперский маг. – Нет конечно. Такого здесь нет. Но кое-что…

Он хлопнул в ладоши, и вновь вошла девушка.

– «Аллори Гараст». Четырехтомный вариант, – бросил он ей.

Через минуту она вернулась, согнувшись под тяжестью четырех огромных томов, переплетенных в толстую черную кожу. Взгромоздив их на стол, она молча удалилась, бросив только украдкой взгляд на странного гостя.

– Может, скажешь, что тебя интересует, я бы сориентировал.

– Мне интересно, что вы научились производить из чистых металлов, потом сплавы и отдельно – кислоты, щелочи, … В общем, все, что относится к компонентам, – перечислил Рей.

– Ты химик? – с надеждой взорвался на него Кивилгар.

– Нет, но кое-что знаю. Во всяком случае, достаточно, чтобы произвести кое-что полезное. Например, нечто вроде пороха, но горящее раз в десять быстрее вашего. Можно будет сделать…

– Бомбу? – У мага загорелись глаза.

– А что, они еще не знают, что это такое?

– Кто «они»? – удивленно переспросил маг.

– Ну да, – невинно повторил Рей. – Именно они. Ты ведь тоже… – Он помолчал, подбирая тембр голоса, а потом очень похожим на Кивилгаров голос произнес: – «Издалека». А?

Маг вздрогнул, как-то сразу подобрался и внезапно сузившимися глазами посмотрел на Рея.

– Гирхани доос? Имперская разведка? – на Ингал-2 спросил Рея Кивилгар.

– Нет… Но, – вздохнул Рей, – тебе придется мне поверить. Оказался я здесь действительно случайно.

– И также совершенно случайно ты знаешь торговый диалект? – грустно съязвил Кивилгар.

– У нас ведь пока есть время? – И дождавшись утвердительного кивка, Рей не торопясь рассказал историю его появления в этом мире.

– Ну, парень, – развел руками колдун. – Ты даже представить себе не можешь, как тебе повезло. Портал мог схлопнуться где угодно. Вероятность того, что он свернется, не сломав тебе башку, да еще выбросит на обитаемую планету – один на десять в степени бесконечность. Так что ты, считай, заново родился.

Рей вспомнил свой разговор с Создателем и едва заметно улыбнулся.

Как-то незаметно беседующие перешли на Ингал, потому что в местном языке просто отсутствовали понятия, которыми они оперировали.

– А ты какими судьбами здесь? – поинтересовался Рей.

– Да, в общем, история простая, – грустно развел руками Кивилгар. – Шли на исследовательском корабле, до… – Он запнулся. – Ну, в общем, тебе это название все равно ничего не скажет. У нас забарахлил привод, и мы выпали из гипера где-то в окрестностях этой системы. Я и первый пилот решили слетать до ближайшей планеты – проветриться, так сказать. Собственно, это и спасло нашу жизнь. Не успели мы отойти на половину пути, как нашего корабля просто не стало. Может, ракета, а может, еще чего… Ну, в общем, мы зашли на вынужденную, и тут они достали и нас. Только за баранкой у нашей шлюпки был не просто мастер-пилот, а бывший командир крейсера ВКС. Так что мы чудом ушли от нескольких ракет, а последнюю пилот принял на внешний контейнер. Так что и взрыв получился, и мы живы остались. От шлюпки, конечно, почти ничего не выжило, кроме аварийных комплектов… Добрались мы до ближайшего городка и потихоньку вот обустроились…

– Ничего себе «обустроились»! – Рей снова передразнил интонацию Кивилгара. – Один придворный советник. А кто второй?

– Я думал, ты догадался, – весело сказал колдун. – Конечно, наш великий Хаттис Стальная Рука. Наворочали мы с ним, конечно, пока наверх взбирались, ну так ведь с птицами жить – по-птичьи щебетать. Понемногу приструнили всю эту дворянскую шваль, установили нормальные порядки в торговле, налоги и так далее. И все вроде хорошо, только вот понемногу

словно тучи стали собираться. То корабль пропадет, то заставу вырежут... Мы сначала не придавали значения, а когда очухались, уже поздно было.

Мы долго вычисляли автора, так сказать, а потом наша разведка добыла несколько интересных фактов. Получалось, что тут кроме нас еще полно пришельцев. Мы вроде на радостях хотели отправить им депешу – так, мол, и так, спасайте, братя по разуму, и препровождайте нас в лоно цивилизованного мира. Но хвала Всеблагому, первый запал прошел. И мы начали разбираться, кто это и чего им надо. С трудом и не сразу, но заловили мы одного человечка, так он нам все рассказал. Перед смертью.

В общем, это оказался небезызвестный Институт Деррика Лингвортса. Тебе это ничего не говорит? Ладно, потом расскажу поподробнее. Они тут, понимаешь, что-то делают, а что – не разобрать. Но организация серьезная. Столько на них собак... И наверняка то, что происходит в степи – их рук дело. Ты, наверное, знаешь, что на востоке материка живут кочевники. При их плодовитости население там немногим меньше, чем на всей остальной суще. В общем, что у них там произошло, я толком не знаю, скорее всего, с экологией чего-то, но в итоге они кинулись во все стороны на завоевание новых земель. А земель в округе только три. Палс, Шендан и наша. В общем, когда они дожнут Палс, придет наша, стало быть, очередь. И что самое гнусное, ни Палс, ни Шендан они на самом деле не захватывали. Так, выдвинули передовые отряды, добились вассальных клятв и дальше побежали. Это к нам, стало быть. Полное ощущение, что степняки хотят убраться из степи подальше и насовсем. Конечно, с их менталитетом такое ну совсем не вяжется. А мы никак не можем распутать этот узелок. Агенты вообще такую чушь несут, что впору самому идти в разведку. А тут еще Институт этот...

Чего здесь надо контроле Лингвортса, я не представляю, но думаю, если такая корпорация пошла на тайную операцию, то зачистка свидетелей для нее не вопрос. Они запросто поубивают здесь все живое и даже не поморщатся.

– А чем вообще занимается этот институт? – спросил Рей.

– Биомеханика. Работы всякие. Говорят, даже человекообразных делают. Хотя это и стоит... Ну ладно. Так вот, пытались мы с Арги – это пилот мой – наладить военное производство, но он, как ты сам понимаешь, кроме как руками воевать да крейсера водить, толком ничего и не умеет. А я, – Кивилгар пожал плечами, – так, маг-самоучка, основная моя профессия – корабельные приводы. Так что мы с Арги тут вроде мудрых аборигенов. Все знаем, а сделать ничего не можем.

– Нет, подожди, подожди! – перебил его Рей. – Да вы ведь могли тут такое устроить... – Он перевел дыхание, собирая мысли. – Ну не знаю... Полный переворот в науке, технике!

– Переворот... – проворчал Кивилгар. – Ты хоть представляешь себе, как устроен гиперпривод? Нет? И я не представляю.

– Да Господи, на хрена сдался тебе этот дурацкий привод! Просто пушки, сталь, тепловые двигатели, ну авиацию, наконец!..

– А ты знаешь рецепт приготовления стали? – Кивилгар в сердцах стукнул могучим кулаком по столу.

– Тебе углеродистую для клинков или что-нибудь более изысканное – пружинную сталь для пулеметных механизмов, например? – деловито ответил Рей. – А может, полиметаллические композиты для термоэлектрических элементов?

– Да? – ошарашенно переспросил маг после паузы. – А что еще?

– Да почти все. Вплоть до турбин. Мощности не обещаю, но скоростной катер сделать можно.

– Слушай, ты вообще кто?! – Кивилгар смотрел на Рея вытаращенными глазами, пытаясь понять, кого ему подбросила судьба.

– Ну можешь называть меня специалистом по выживанию.

– Значит, разведка все-таки? – уточнил колдун.

– Ну если разведка, тогда военная, если ты понимаешь эти нюансы, – ответил Рей.

– Понимаю… – Кивилгар почесал затылок. – А в электронике разбираешься?

– Немного, – скромно отозвался Рей.

– «Немного» – это как?

– Могу починить то, что не связано с изготовлением сложных деталей в полевых условиях и ремонтом литых модулей.

– Пойдём! – решительно произнес колдун и рывком вылетел из глубокого кресла.

– Куда? – обалдело спросил Рей со своего места, с тоской оглядывая новую бутыль и фрукты.

– Пойдем, пойдем… – Что-то невнятно бормоча, Кивилгар внимательно перебирал ключи на огромной связке. – Если у тебя выйдет, то это кресло за тобой носить будут.

– Лучше меня в кресле и бутылку следом… – тихо пробормотал Рей, устремляясь вслед колдуну.

Длинная винтовая лестница привела их в высокий подвальный зал под сводчатым потолком. Где-то капала вода, резко пахло плесенью, а в остальном все было вполне пристойно.

Несколько тяжелых окованных сталью дверей, и они оказались в коридоре, который перегораживала занавесь, сотканная крест-накрест из тончайших световых нитей. Занавес переливался всеми цветами радуги ярких спектральных тонов.

Короткий взмах руками, и Радужный Щит словно втянулся в мозолистую ладонь Кивилгара, открывая проход.

За коридором оказалась еще одна дверь. На грубой металлической обшивке с двумя рядами гладких крупных заклепок, словно насмехаясь над своим окружением, сияла почти новая панель из полированного прозрачного вещества, под которой неяркими сполохами переливалось голубое пламя.

Кивилгар приложил руку, и мерцание стало чаще. Через пару секунд его цвет сменился с голубого на розовый. Сыто клацнув хорошо смазанными замками, дверь распахнулась.

– Вот, смотри… – торжественно сказал Кивилгар.

Аппарат, стоявший посреди зала, был неказист и напоминал скорее крупный сейф, лежащий на спине, или контейнер для переноски опасных веществ.

Кивилгар поднял верхнюю крышку, под которой оказалось пространство, поделенное на две неравные части. Отсек поменьше занимал странного вида прибор, а другой был пустым.

– Что это? – спросил Рей.

– Ооо… Классная штука! – мечтательно закатив глаза, произнес колдун. – Полевой вакуум-синтезатор. Может изготовить любую вещь из каталога.

– А большой каталог-то? – поинтересовался небрежно Рей, во все глаза разглядывая диковинный прибор.

– Двенадцать или чуть больше тысяч наименований. Это без подкаталогов.

– Ого! – уважительно похлопал по прохладному боку агрегата Рей. – А что-нибудь вроде клайдера?

– Раз плюнуть.

– Ну так давай?

– Эх,… Не могу! – с тоской произнес колдун.

– Это почему?

– А не работает… – проникновенно сказал Кивилгар и жалостливо погладил полированный бок чудо-машины.

– Что значит «не работает»? – рявкнул Рей и, наткнувшись на недоумевающий взгляд Кивилгара, жестко пояснил: – Историю болезни давай. Внятно только.

– А чего там говорить, – начал Кивилгар, тоскливо озирая каземат. – Мы первое время чего только не шлепали на нем. От инструмента до запасных обойм. А потом раз и все…

Пока маг рассказывал очередную историю человеческой беспечности, Рей внимательно, дюйм за дюймом, осматривал синтезатор.

– Вы его не двигали?

– Нет. Да ты послушай, – загорячился Кивилгар. – Эта штука выдержала прямое попадание ракеты. Ты думаешь, зря Арги подставил именно этот бок? Он знал, что в правом контейнере лежит синтезатор и что если что нас и спасет, то только он.

Маг довольно бесцеремонно, словно провинившегося пса, пнул ногой бок синтезатора.

– Это же керлит! Он идет на обшивку орудийных башен кораблей.

– А дыма не было? – продолжал допрос Рей, ощупывая «пациента».

– Дыма не было... – уныло подтвердил Кивилгар.

Руки Рея нашли какой-то выступ, нажали, сдвинули, и в свободное пространство ящика мягко выкатился толстый и, судя по звуку, увесистый цилиндр, тяжко ткнувшись в противоположную стенку.

– Это что?

– Это? – Кивилгар привстал на цыпочки, чтобы разглядеть из-за плеча Рея. – Энергоячейка вроде? А ну-ка. – Он просунул руки в ящик и с усилием вытащил цилиндр на свет. – Точно, она! – Он развернул цилиндр и посмотрел на него с торцевой части. Блекло, почти едва заметно, на донышке цилиндра тлел крохотный малиновый огонек. – Так у него просто питание закончилось... – Он сокрушенно помотал головой. – А мы-то, дураки, даже не проверили. Ну теперь точно конец...

– Это почему? – поразился Рей.

– Да где ж здесь электричество возьмешь? Этому, – он снова пнул в бок синтезатор, – знаешь, сколько надо?

– А эта ячейка, она что, одноразовая?

– В смысле «одноразовая»? – не понял колдун.

– Ну, в смысле, ее заряжать можно или вы их выбрасываете?

– Шутишь что ли, «выбрасываете»! – опешил маг. – Да за такую штуку, даже пустую, можно дом на приличной планете купить. Или дворец на неприличной... А за сам синтезатор вообще целую планету для собственного удовольствия.

– А как она заряжается?

– А черт ее знает! Мы вставляли ее в зарядную камеру, пара секунд и готово.

– Пара секунд, говоришь, – задумчиво сказал Рей. – А вот, к примеру, если ячейка полностью заряжена, сколько там уместится электричества?

– Даже не знаю, как тебе сказать. – Кивилгар задумчиво нахмурил брови. – Ну, например, в аварийном режиме одной энергоячейки хватает на тысячу часов питания шлюпки. Это с системами очистки, освещением, системами навигации и связи.

– А сколько человек может быть в такой шлюпке? – уточнил Рей, внимательно осматривая цилиндр.

– Двенадцать, – ответил Кивилгар. – А зачем тебе все это? Все равно электричества здесь не сыщешь.

– Вопрос не в электричестве, – медленно произнес Рей, ощупывая взглядом энергоячейку. – Вопрос в способе его получения.

9

«Как все оказалось просто», – думал Рей, сгорбившись над четырехтомником «Экстракта земли». Азотная, серная и соляная кислота на Аппасте уже были известны. Так же, как и многие тяжелые металлы. С помощью ртути добывалось золото, а свинец использовали во многих областях промышленности, например для изготовления тяжелого стекла. В целом производственная база планеты оказалась лучше, чем он ожидал. Конечно, до сложной органики сто верст и все лесом, но для тех задач, что стоят сейчас, вполне достаточно…

В итоге самым сложным оказалось подобрать из двух десятков известных Рею способов получения электроэнергии наиболее эффективный.

Мастерские Кивилгара были завалены работой. Варили стекло, отливали стеклянные кубы и плавили цинк. Готовые банки свозили в комнаты башни, стоявшей недалеко от города. Сделано это было по настоянию Рея, не желавшего сюрпризов. По его подсчетам выходило, что напряжение энергоячейки сравнительно невелико. Что-то около четырехсот вольт. Но вот емкость… Как он ни пересчитывал, получалось порядка восемисот тысяч ампер-часов. От первоначальной идеи запитать синтезатор непосредственно от химических банок сразу пришлось отказаться.

Через три дня, когда все мыслимые и немыслимые помещения были забиты банками и окутаны толстыми медными шинами, а все люди удалены на безопасное расстояние, Рей дернул массивный рубильник.

Короткий выдох, и помещение стало наполняться едкими испарениями. Мгновенно стало жарко. От шин, соединявших батареи, шел запах горячей меди. Не медля ни секунды, Рей выскошел наружу.

– Ну что? – встретил его вопросом Кивилгар.

– А черт его знает! – весело отозвался Рей. – Боюсь, как бы не рвануло.

В томительном ожидании прошло несколько часов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.